

Б И Б Л И О Т Е К А

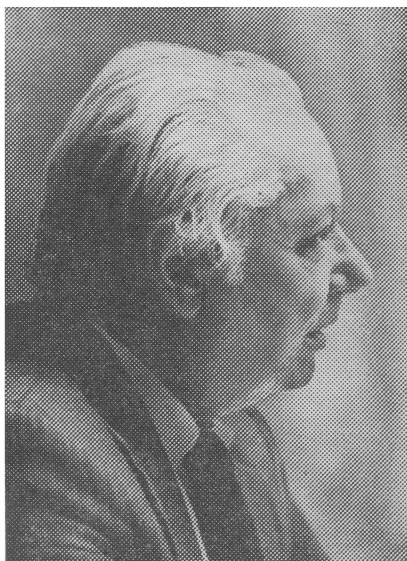
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 25

1986

Николай ФЕДОРЕНКО

ТОКИЙСКИЕ ДИАЛОГИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Николай ФЕДОРЕНКО

ТОКИЙСКИЕ ДИАЛОГИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Николай ФЕДОРЕНКО

Николай Трофимович Федоренко родился в 1912 году в Пятигорске. Советский литератор, филолог-востоковед, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, академик Флорентийской Академии искусств, почетный член Института Китаеведения в Токио.

Долгие годы находился на дипломатической работе: дипломатическая служба в Китае (1940—1952), заместитель министра иностранных дел СССР (1955—1958), посол СССР в Японии (1958—1962), представитель СССР в ООН и Совете Безопасности (1963—1968). Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. В настоящее время — секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Иностранная литература».

Автор книг: «Очерки современной китайской литературы» (1953), «Китайские записи» (1955), «Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы» (1956), «Шицзин» и его место в китайской литературе» (1958), «Земля и легенды Китая» (1961), «Краски времени. Черты японского искусства» (1972), «Дипломатические записи» (1972), «Японские записи» (1974), «Проблемы исследования китайской литературы» (1974), «Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства)» (1975), «Древние памятники китайской литературы» (1978), «Кавабата Ясунари» (1978), «Диалог в Каракасе» (1979), «Литературные записи» (1980), «Китайское литературное наследие и современность» (1981), «Морские записи» (1984), «Мысли и образ» (1985) — и многих других работ (всего свыше 200), посвященных истории культуры Китая и Японии, общетеоретическим вопросам литературы и искусства.

ТОКИЙСКИЕ ДИАЛОГИ

(О корнях и кронах)

1.

Апрель в Японии — сезон живописного цветения сакуры — дикорастущей вишни. Оно неотвратимо, как наступление самой весны. Это время всеобщего любования удивительными красками природы. Никто не в силах оставаться равнодушным к естественному этому эстетическому чуду. Каждый в эти дни старается посетить наиболее примечательные места и провести под кронами сакуры хотя бы считанные минуты. Масса людей в свободный день устремляется в горы, где открывается неповторимая панорама бурно цветущей вишни.

— Любование цветущей сакурой — одна из давних традиций японцев. Это праздник для всех. Сама природа наших островов как бы создает праздничное это зрелище для всех, для каждого, кто способен оценить мир прекрасного, — сказал давний мой знакомый профессор Охара, знаток культуры и эстетики, во время нашего посещения знаменитого парка Мэйдзи. Огромный этот заповедник с естественной флорой и фауной был заложен императором Мэйдзи (1868—1912) в центре ныне одиннадцатимиллионного Токио.

Революция Мэйдзи, которая именуется «реставрацией», или «обновлением», была направлена против самурайского режима и преследовала цель модернизации страны. Считается, что эпоха Мэйдзи была периодом заметного процветания. Именно с этим периодом связано становление современной Японии. В честь Мэйдзи в 1920 году в парке был возведен особый храм, который оказался разрушенным во время прошлой войны, но вновь восстановлен в 1958 году на пожертвования японцев, собранные в стране и за рубежом.

Это место традиционного паломничества. Например, в первые два дня нового, 1984 года храм Мэйдзи посетило около 3 миллионов

человек. Они приносят с собой ритуальные жертвоприношения и приобретают в храме сувениры на счастье, такие, как «стрелы для победы над злыми духами». Для многих из них новогоднее посещение храма первое и единственное в году.

В праздничные дни в парке Мэйдзи собираются тысячи жителей гигантского города, чтобы услышать говор птиц, прилетающих сюда из разных земель, и насладиться красками растительного мира.

— Восторженное отношение японцев к живой природе нередко находит свое выражение в живописи и поэтическом творчестве, — заметил Охара во время прогулки по парку. — Характерно, — продолжал он, — что во время правления Мэйдзи в стране вновь стали проводиться новогодние поэтические чтения, на которых выступают со своими произведениями видные художники слова, особенно певцы пейзажной лирики, жизнеутверждения и мира среди людей.

Следует сказать, что поэтические чтения — традиция древняя, восходящая ко временам Цураюки и поэтической антологии «Кокинсю» (X в.). Традиция эта, по сути, не прекращалась никогда. Скорее можно говорить о периодах ее оживления или затухания. В этом смысле поэзия дышит атмосферой бессмертия. Она продолжает вечно жить в творчестве поэтов нескончаемых поколений. И мысли их переходят в мысли, как пламя зажигает пламя.

Поэт-коммунист Цубои Сигэджи, ветеран пролетарского литературного движения 20—30-х годов, на одном из таких чтений-состязаний в храме Иэясу Токугава в Токио сложил такие поэтические строки:

«В тихую полночь с увядшими листьями о чем-то звезда шепталась. Вокруг шелестел ветерок. В одиночестве и тоске впитывал смутную речь, я хотел разделить тот шепот... Но упала с неба звезда. Я искал ее среди мертвых листьев и отыскать никак не мог...»

Весь период цветения сакуры знаменуется различными фестивалями, сценическими представлениями, концертами. Почти непрерывно одно эстрадное представление сменяется другим, под кронами сакуры выступают исполнители традиционных песен.

Национальные эти мелодии исполняются профессиональными певцами и любителями. Часто проводятся конкурсы на лучшее исполнение песни. Они привлекают многих любителей и участников самодеятельных групп. В этих песнях часто звучит тоска по любимой или любимому. Но печаль их всегда благородна, возвышенна, романтична. Пользуются эти глубоко народные песни широчайшей популярностью, переходя от поколения к поколению. Река забвения уносит лишь легковесное и малозначимое, но не прикасается к лучшему из творений музыкальной культуры. Национальные фольклорные песни покоряют своей мелодичностью, лиризмом, простотой. Несомненно, что корни японского народного музыкального творчества весьма глубоки и обладают большой жизнестойкостью,

несмотря на огромное воздействие со стороны модных американских веяний. Прискорбно то, что за пределами Японии, в том числе и у нас, национальная японская музыкальная культура почти неизвестна, не изучается с точки зрения эстетического воспитания и развития человека.

Красочные эти представления прерываются лишь чрезмерно назойливой рекламой и появлением на телевизионном экране исполнителей рок-н-роллов, лохматых особой неопределенного пола, с длинными растрепанными волосами в экстравагантных одеждах. Они не поют, а кричат не своими голосами, надрывая хриплые свои глотки. Некоторые из них мечутся по сцене, кидаются на пол в припадочном состоянии. Это какие-то юродивые, кудлатые неврастеники, которых трясет лихорадка, сводят конвульсии.

— Различия в понимании вещей японцами и иностранцами складывались в течение длительного времени,— напомнил Охара сэнсэй.— Начать с того, что уже само название Японии было искажено европейцами. Неверно истолковав иероглифическое обозначение Японии, они стали широко употреблять выражение «Страна восходящего солнца» вместо действительного названия «Корни солнца». Сейчас трудно сказать, кто первый и когда прибег к средствам фантазии на эту тему. Речь, конечно, не о том, что японцы вообще против воображения, особенно художественного. Наоборот, пожалуй. Речь о другом. Существуют понятия и вещи, которые требуют точности и реалистической оценки.

Взяв лежащую на столе кисть и увлажнив ее тушью, Охара уверенным почерком изобразил на листе два иероглифических знака — «солнце» и «корни», образующие вместе «Нихон» — название Японии, принятое в 645 году.

— Примечательно, что упомянутый Мэйдзи писал в одном из своих стихотворений:

Нашу страну Корней Солнца
Будем хранить по заветам
Храма Касивара,—

имея в виду идеал императора Дзимму Тэнно «восемь углов мира под единым сводом». Не потому ли в Японии, где восхищаются цветением дикорастущих вишни и сливы, не забывают о корнях растений, скрытых под землей, но дающих жизнь всему живому? — добавил Охара сэнсэй.

Народная эта мудрость присуща и нам: «Восхищаясь могучей чинарой, поклонись ее корням».

— Хорошо известно,— продолжал профессор,— что в течение долгого времени существовало весьма экзотическое — как нечто причудливое и странное — представление о японцах, их островах, их жизни. Фантазия европейцев сосредоточивалась в основном на рикшах с колясками, самураях и совершаемых ими хакакири, гейшах

с ажурными веерами, чайных бумажных домиках и всем прочем в таком же духе. Очевидно, им нравилось столь же субъективно, сколь и произвольно рисовать в своем воображении нашу страну и народ, которые представляют собой не выдумку, а такую же реальность, как и другие страны и народы. Другое дело, у японцев есть свои особенные черты в образе жизни, укладе, традициях, мировосприятии. Но разве у других народов всего этого нет? Разве все они не созданы по одному образу и подобию? Однако все это не изображается как что-то причудливое и диковинное...

— Самураи, извините, такая особенность японской реальности, которую едва ли можно отнести к лучшим сторонам самобытного развития Японии, — заметил я в ходе разговора.

Известно, что бусидо — «путь воина» — это специфическое достоинство Японии, прославленная система морали и поведения самурайства, сложившаяся шесть веков назад и игравшая важнейшую роль в развитии японских вооруженных сил. Традиции самурайского духа возникли на почве кодекса чести и славы — хатакурэ бусидо, что означает «путь воина, скрытый под листьями». Иными словами, не для каждого, а для избранных и посвященных.

Всем известно, что в Японии никогда не исчезали силы, олицетворяющие «исконные традиции», «истинный национальный дух», «самурайскую доблесть». Показательно в этой связи напечатанное в журнале «Япония и японцы» («Ниппон обби ниппондзин»): «Если в повествовании, прекрасном своими жестокостями, не присутствует садистская радость, значит, оно далеко от древних японских традиций».

Мы, разумеется, далеки от отождествления национального характера народа со всякого рода аномалиями, пороками, уродствами. Они наблюдаются во многих странах. Речь здесь не о национальной исключительности, но о социальных факторах, о порождении определенных общественно-исторических условий. Известно, к слову сказать, с какой изощренностью шовинистические круги Японии используют в своих целях разного рода предания страны, легенды и мифы. Так, существует в Японии давнее сказание, порожденное средневековой религией синто, которая стала впоследствии культом обожествления императорской власти, миф о Сусаноо — духе божественного ветра. Согласно этому преданию, Сусаноо преподнес божеству солнца Аматэрасу магический «Меч сгущающихся облаков», который Сусаноо будто бы извлек из хвоста сраженного им дракона по прозвищу Ямато-но-ороки. Именно воинственное это божество Сусаноо и карающий «Меч сгущающихся облаков» по воле милитаристских сил были возведены в годы японо-китайской войны в националистическую реликвию мужества и неустранимости японского воинства, свято хранимую как символ религиозного поклонения

и могущества. «Священному ветру» синтоизм приписывал все победы и доблесть, в частности «священного племени ямата», на почве которого в стране неистово разжигался дух воинственного самурайства. Именно на гребне империалистической экспансии был порожден чудовищный культ камикадзе, в буквальном значении иероглифов не что иное, как «божественный ветер».

В японской старине, героической мифологии вдохновители воинственного экстремизма стремились найти обоснования своим замыслам. В поисках магического призыва к националистическим чувствам они извлекли в этих целях из древних анналов предание о «божественном ветре». Напомним: когда флотилия монгольского правителя китайской империи Хубилая приближалась к японским берегам, гласит одно из преданий, свершилось великое чудо — океанский смерч, «ниспосланный синтоистскими богами», развеял в прах корабли неприятеля. Это было в XIII столетии под Цусимой, впоследствии ставшей местом «чудодейственного свершения» и массового паломничества.

Так было в далеком прошлом, так было и в 30—40-х годах, когда японский милитаризм воскресил культ самоубийц-камикадзе в ходе агрессии против Китая и тихоокеанской войны. Кто бывал в синтоистском храме Ясукуни в Токио, тот, возможно, видел надпись у входа: «Здесь похоронены те, кто принес высшую жертву во имя Родины». Речь идет о братской могиле — символе камикадзе (праха в ней нет) — пяти тысяч молодых японцев, средний возраст которых не превышал двадцати двух лет. Это летчики-самоубийцы, фанатично уверовавшие в то, что, согласившись покончить жизнь самоубийством, они будто бы превращались в богов и все земное становилось им чуждо... Им внушили, что они избрали самый прекрасный путь в жизни, а военные наставники заботились лишь о том, чтобы научить их умереть за императора. Камикадзе должны были спасти Японию, спасти ее честь...

Фанатизм камикадзе в Японии не исчез. Он обнаруживается и в жизни, и в современной литературе. Достаточно назвать здесь имя такого японского писателя, как Юкио Мисима, который не только славил судьбу самоубийц, но сам публично совершил ритуальное харакири, по-самурайски вспорол живот кинжалом и таким образом покончил с собой. Примечательно, что в США недавно был создан фильм о Мисимо, получивший в 1985 году высшую премию в Каннах. Это он, Мисима, обратился к японской молодежи со словами: «Япония не дает возможности молодежи удовлетворить ее стремление — отдать свою жизнь... Японский меч лучше любого ядерного оружия».

И уж если заглянуть, так сказать, в самурайские святцы, то в «кодексе чести» содержится характеристика самурайской философии, принадлежащая перу Набэсима Мотосигэ, известного в истории вассала дома Токугава: «Никогда не задумываться, кто прав, кто

виноват. Никогда не задумываться, что хорошо и что нехорошо. Вся суть в одном — никогда не вдаваться в рассуждения».

Разве все это не напоминает кодекс нацизма, фашистского солдатского устава: не думать и не рассуждать — обо всем думает фюрер?

— Верно, агрессивное это воинство проявило себя слишком одиозно. Но ведь это уже минувшее, давно отошедшее в бездну прошлого. Зачем ворошить то, что принадлежит истории? Теперь это скорее предмет иронии и сатиры, — заметил Охара.

— Не только прошлое... Достаточно включить сегодня телевизор, чтобы убедиться в простой истине: самурайство не забыто, его традиции живы, они всячески прославляются. С экранов кино и телевидения на зрителя обрушивается целый шквал самурайских историй, в которых воспеваются бесстрашие, жестокость, беспощадные расправы с вольнодумцами, без всяких прикрас показываются сцены бесконечных побоищ, массовых убийств, кровопролития под истошные выкрики, завывания и одуряющий грохот садистско-мазохистского ритма. Псевдоисторические телефильмы из самурайских времен с английскими субтитрами. Убийства, убийства, потасовки, драки и снова убийства. Это приковывает, держит зрителя в напряжении, в страхе и воспитывает безразличие к человеческой крови, жестокости, смерти. При этом наряду с самурайскими мечами, пиками и клинками в большом ходу самое современное смертоносное оружие, действующее с помощью электроники и лазера. Зрелища эти создают впечатление, будто у людей одно только занятие — убивать, расправляться с жертвой, притом самыми изощренными методами. Зачем все это? Какие воспитательные цели преследуют подобные сценарии и пьесы? Разве прививают они людям чувства миролюбия, гуманности, уважения к себе и другим?

— Это, конечно, так, — заметил Охара. — Нельзя отрицать самоочевидного злоупотребления коммерческого искусства, которое ради собственной наживы преступно использует телевидение и киноэкран. Сожаления достойно, что эта эпидемия насилия охватила весь западный мир, особенно Америку. Никакого оправдания этому быть не может. Следует, однако, сказать, что в японском народе, в том числе среди молодежи, идеи войны и кровопролития не пользуются популярностью. Непрерывающиеся массовые демонстрации, народные манифестации против войны и вооружений — яркое тому доказательство. Японцы — единственный народ на планете, переживший по вине США атомный кошмар, — решительно выступают за сохранение мира и международной безопасности. Это тоже, несомненно, так.

— Тем не менее военно-промышленный потенциал Японии продолжает расти, так называемые «силы самообороны», в нарушение существующей конституции, давно уже превратившиеся в регулярную армию, множат свой контингент, оснащаются самыми современными

видами оружия. Постоянно укрепляется и модернизируется огромная сеть американских военных баз на японской территории, обращенных против соседей, прежде всего против Советского Союза.

2.

Густым мутным осадком лег утренний туман в саду за окном современного отеля, взметнувшегося под небеса. Здесь мы встретились с крупнейшим японским прозаиком и драматургом Кобо Абэ. Огромный серый билдинг, сродни нью-йоркскому небоскребу на Манхэттене. По слову поэта Мацууро Масао, шею ломит, когда глядишь, задрав голову к небу, на высоченные билдинги — красные, синие, коричневые, серые, инкрустированные неоном, как семицветной радугой... Но сколько бы ни было этих зданий, говорит поэт, хоть сотни, хоть тысячи, все они рождаются и растут из наших человеческих рук. Только кошелек мой, увы, не становится толще, а твой карман не оттопыривается от деньжищ... Когда же, в какой день станут, и станут ли, они нашими? Спрашиваю себя... и плетусь прочь, окидывая колючим взглядом чужое это фешенебельное добро...

Здесь, пожалуй, ничто не напоминает о традиционной Японии. Разве что скромный палисадник у серых железобетонных стен небоскреба и несколько низкорослых деревьев декоративной сакуры. Все остальное — по образу и подобию американского божества архитектуры и интерьера. Это Япония для заокеанских туристов.

Кстати, о туристах в Японии... Во время моего пребывания в Токио я прочел в японской газете «Асахи ивнинг ньюс» сообщение, что в год 40-летия трагедии Хиросимы и Нагасаки американские туристические агенты в Питтсбурге широко рекламируют «уникальную возможность» посетить Хиросиму. Не для того, увы, чтобы почтить память жертв американской атомной бомбардировки. Это, оказывается, для предпринимателей туризма из штата Пенсильвания было бы слишком банальным. Дело в том, что трагедию Хиросимы они рассматривают лишь как конечный пункт маршрута бомбардировщика В-29 «Энола Гэй». Да, именно того В-29, с которого была сброшена атомная бомба, испепелившая японский город и его жителей. Кажется невероятным: начать турне желающие смогут с прогулки по взлетно-посадочной полосе на тихоокеанском острове Тиниан, откуда в августе 1945 года В-29 «Энола Гэй» взял курс на Хиросиму, чтобы сжечь его население в ядерном огне.

Чудовищно? Удивляться, однако, нечему. В обществе своекорыстия господствует главный закон: наживаться на всем, не останавливаясь ни перед смертью, ни перед мучениями и страданиями сотен тысяч людей. Вспомнилось, как Альберт Эйнштейн, прочитав в «Нью-Йоркере» потрясший его репортаж о Хиросиме, раздал по экземпляру журнала своим студентам. Один из них впоследствии захлебывался от восторга: «Благодарю вас, бомба прекрасная!»

Современный литератор Такэнака Ику как-то писал, что Фудзияма — гора-святыня. Мы продаем ее. Мы чудесами торгуем... Все мы, японцы, покупаем автомобили. Все мы, японцы, любим красивые зажигалки. Все мы, японцы, искусные садоводы и мастера цветочной икебаны. Все мы, японцы, поем модные песни. И все мы кланяемся низко-низко. Все, без исключения все — смиренны и кротки... да, да!

На встречу с Кобо Абэ нас мчал японский лимузин «Нисан», под стать лучшим американским автомобилям. Улицы поражают: бьют в глаза техника, машины, спешка, реклама, бегающий ритм. Старый поэт Китагава Фуюхико посвятил вечному часу «пик» свою строчку: на контроле с билетом отрезали палец...

Мы сидели в уютной лоджии, перед нами простирался вид города. Все было здесь новое, необычно. Смена чувств моих была похожа на порханье во тьме горящих светильников. Лучи поднявшегося солнца не рассеяли туман, скорее еще более его уплотнили. Поодаль простиралась аллея, затопленная светлым мерцающим туманом.

— Мне доставляет удовольствие, Абэ-сан, вручить вам экземпляр русского издания вашего романа «Тайное свидание», только что вышедшего в библиотеке приложений журнала «Иностранная литература», — обратился я к писателю.

Взяв книгу в руки, Кобо Абэ сосредоточенно посмотрел на нее, не спеша повернул, нежно провел ладонью по обложке, взглянул на корешок и лишь потом раскрыл ее, степенно полистал страницы и произнес:

— Прекрасно сделано... с любовью. Сердечно тронут. Как счастливо начался день мой сегодня! Хотелось бы верить, — после короткой паузы продолжал Абэ, — что роман «Тайное свидание» не разочарует моих друзей в Советском Союзе, хотя в Японии, признаться, он вызвал далеко не однозначные суждения.

Столкновение человека с враждебным ему обществом, трагедию этого человека показал Кобо Абэ, романы, повести, рассказы и пьесы которого пользуются у нас огромным успехом. На русском языке вышли: «Женщина в песках», издавалась трижды; «Чужое лицо» — дважды; выпущены были также роман «Сожженная карта», «Человек-ящик», «Тайное свидание», повести «Совсем как человек» и «Четвертый ледниковый период», пьесы «Крепость», «Охота на рабов», «Призраки», рассказы «Детская», «Красный кокон».

Произведения Абэ импонируют в первую очередь тем, что, показывая одиночество человека в обществе, готовом растоптать его (вспомним хотя бы страшный эпизод из «Чужого лица», когда в подземном переходе сидит, прилонившись к столбу, человек, мимо которого проходят тысячи людей, но никому и в голову не приходит поинтересоваться, почему сидит здесь человек, жив он или умер, а он, кстати, умер, — человек для них не просто ничего не значит, он для

них пустота, они могут даже пройти сквозь него), они зовут вырваться из этого одиночества, зовут служить людям. Здесь также можно вспомнить маленький заключительный эпизод из «Женщины в песках», когда засаженный в яму герой, найдя в песке воду, решает рассказать об этом людям, даже ценой того, чтобы остаться в яме. Такая философия писателя находит у нас полную поддержку.

Глядя на Кубо Абэ, я невольно думал о том, как книга, помимо всего, своими путями и нитями сближает людей, живущих далеко друг от друга, людей с различным опытом и познаниями, совсем не одинаковым воспитанием и философией, с непохожими языками... Как помогает она понимать других, а нередко пробуждать и симпатию к ним. Книги Кубо Абэ, получившие широкую известность далеко за берегами Японии, снискали автору неисчислимое множество читателей, его друзей, его почитателей.

— Получили ли вы посланную вам последнюю мою книгу? — несколько озабоченно обратился ко мне Кубо Абэ.

— «Сакура-мару» — «Вишневый ковчег»? — переспросил я. — Благодарю. Она дошла к нам, и уже начата редакционная работа.

— Да, великодушно извините, звучит это «сакура», но, увы, не настоящая это вишня, которая теперь цветет и благоухает вокруг. Метафорическое это понятие. Тут, видите ли, нечто цветущее, но малопочтенное... Здесь, кажется, необходимо пояснение, особенно для иностранного читателя. Этимологическое слово «сакура» многозначно. Помимо общеизвестного понятия «сакура» — «вишня», слово это имеет иной смысл: «сообщество», «сговор», «соучастие», часто в малопрстойных делах... В самом названии «Сакура-мару» заложен смысл — «ненастоящий», «поддельный», «ложный».

Роман Кубо Абэ «Сакура-мару», изданный в Японии в 1984 году и в течение нескольких месяцев распроданный в количестве двухсот тысяч экземпляров, посвящен острейшей проблеме — угрозе ядерного самоуничтожения, нависшего над нашей землей. Герой романа, от имени которого ведется повествование, отыскивает некое атомное убежище, воспринимаемое им как Ноев ковчег — «Сакура-мару», в котором, предполагается, найдут спасение особо отобранные люди, если когда и возникнет ядерная катастрофа. И здесь возникает проблема — кто достоин занять место в этом ковчеге, кому суждено возродить человечество после гибели? Вопрос этот ставится в романе столь же остро, сколь и сатирично.

Можно сказать, что роман Кубо Абэ «Сакура-мару» — беспощадная сатира на современное японское общество. Не потому ли японским читателем книга встречена с большим интересом? И не только японским. Известный американский японовед Дональд Кин, прочитавший роман, оценивает «Сакура-мару» как высшее достижение в творчестве Кубо Абэ.

В романе «Сакура-мару» автором ставится кардинальный вопрос: кто выживет, если возникнет ядерная катастрофа? Что за люди окажутся обитателями «Сакура-мару», которым суждено будет уцелеть? Будут ли это, возникает вопрос, лучшие и достойные представители человечества, выдающиеся его умы? Оказывается, увы, совсем это не так. Будут, как повествует автор, вовсе не лучшие представители человечества, не достойнейшие мужчины и женщины, которым суждено продолжить род человеческий, а, в сущности, ничтожные люди, низкие, подлые, отбросы человеческого общества. Оказывается, что именно им, умеющим манипулировать в жизни, предстоит вершить и повелевать даже после ядерной катастрофы.

В ходе интересной и содержательной беседы с Кобо Абэ, который не без удовольствия делился своими мыслями о романе, я пришел к заключению, что содержание «Сакура-мару» имеет целью показать в образах романа, в частности главного героя по кличке Крот (другая его кличка — Свинья, но ему, заметим, не очень нравится это прозвище), желание людей обеспечить для себя безопасное местечко уже теперь, чтобы надежно укрыться на случай ядерной катастрофы.

И вот Крот находит заброшенную каменоломню, устраивает в ней нечто подобное Ноеву ковчегу, чтобы спастись там, по подобию ветхозаветной легенды, если разразится ядерная война. Крот уже теперь, не теряя времени, добывает впрок, часто просто ворует продовольствие, электроприборы и т. п., чтобы обеспечить себя всем необходимым на долгий период выживания. Устраивает он при этом разного рода ловушки, чтобы никто без его ведома не мог проникнуть в обретенный им ковчег «Сакура-мару». Примечательно, что автор характеризует его так: «Высшее наслаждение, которое испытывает Свинья, — обстоятельства, когда он раз в день втайне от всех выпивает пиво и закусывает шоколадом».

Герой Кобо Абэ — человек весьма энергичный и ловкий. Умеет приспособиться, извлечь пользу для себя в любой ситуации. Крот все более подумывает о том, кого он сможет взять с собой в ковчег, ибо одному ему справиться со всеми многообразными обязанностями ковчега, конечно же, невозможно. Заблаговременно надо подумывать и о живности, как это и было на легендарном Ноевом ковчеге.

Но вот беда, соперники Крота с помощью разного рода трюков хищают ключи от «Сакура-мару» и оказываются в ковчеге ранее, чем сам Крот. В итоге этим и определяется состав тех, кто оказался на ковчеге «Сакура-мару» в качестве избранных лиц, которым суждено выжить в ядерной катастрофе и продолжить род человеческий.

Столкнувшись с этой реальностью, к которой надо прибавить и проникновение в ковчег отряда стариков мусорщиков, а также их взаимную борьбу за господство, Крот вынужден частично затопить ковчег «Сакура-мару» и вновь вернуться к людям. Так бесславно закончилась его идея выжить на случай ядерного безумия на земле.

Остается добавить, что роман Кобо Абэ — произведение многоплановое, в котором философские рассуждения о природе человека и государственных институтах переплетаются с мыслями о нынешнем тревожном нашем мире с самой жгучей проблемой современности — предотвращением ядерной катастрофы, сохранением наилучших человеческих ценностей.

Следует, пожалуй, добавить ко всему, что роман «Сакура-мару» изобилует в высшей степени искусными сатирическими зарисовками японской действительности и представляет собой произведение большой социальной обличительности.

— Да, «Сакура-мару» — роман остросоциальный по своей сущности. Это прослеживается в развитии сюжетных линий, поведении действующих лиц, возникающих ситуациях,— заметил Кобо Абэ, слегка прикоснувшись ладонью к керамической чаше с карликовой сосной «бонсай». Многолетнее это зеленое растение рельефно выделялось на фоне розовато-бежевой стены из японской сосны, источающей пряный дух. Неудивительно ли, сосна, подумалось мне,— одно из самых долговечных растений на земле. Отдельные образцы ее сохранились на протяжении пяти тысяч лет. Как объяснить такую жизненную устойчивость этого растения? Наука, увы, остается бессильной раскрыть тайну этих хвойных.

— Актуальность и острота проблем, затронутых в романе, обусловлены тревожностью непредсказуемого нашего века. Когда-то, верится мне, и нынешнее время уйдет в музейную даль, и неведомый потомок в изумлении остановится перед контрастом событий и явлений наших дней...

— Быть может, потомок наш не без удивления отнесется к тому, что мы писали свои книги с помощью кисти, ручки, пера,— сказал Кобо Абэ, разъясняя мысль.

— Но разве мы не пользуемся традиционными этими средствами?

— Должен признаться, что я уже отказался от них и перешел на машину... Теперь пишу с помощью компьютерного устройства...

— Весьма любопытно. Ведь считается, что пишущая рука — кратчайшее расстояние от мозга человека к листу бумаги. И писатель, кажется, очень этим дорожит?

— Что и говорить, рука сама по себе — золотой браслет... Но и при пользовании компьютером рука не утрачивает своей функции, хотя внимание пишущего в основном сосредоточивается на экране. Первостепенное значение приобретают теперь глаза,— пояснил мой собеседник.

— Не проще ли пользоваться пишущей машинкой или диктофоном? — внезапно вырвалось у меня.

— В свете технологического прогресса и современного развития электроники все это кажется слишком примитивным. Компьютерное устройство системы «урд-про» (речевой прогресс), несомненно, имеет

значительные преимущества. Механические усилия человека здесь сведены до минимума. Примите во внимание, что выраженные мысли пишущего тотчас изображаются на экране. Весь текст перед вами. Чрезвычайно удобна правка написанного и т. п., — сказал Кубо Абэ, отметив, однако, что работа с компьютерной машиной требует навыка и привычки.

— Не замедляет ли компьютерная машина процесс мышления пишущего?

— Я этого не испытал, хотя скорость письма у меня несколько замедлена. Видимо, это временно, пока овладею всей гаммой компьютерного устройства, если, конечно, мне это удастся. Впрочем, мы накануне создания и выпуска в Японии новых компьютерных устройств, которые будут записывать с голоса диктующего и выдавать письменный текст. Правда, лишь с голоса определенного человека, для которого специально настраивается фонетическая и артикулярная система... Словом, машина, как это ни фантастично, будет признавать только голос своего хозяина.

— Разумеется, техника для писателя — то же, что оружие для войны. Но техника сама по себе, без духа художника, который должен что-то сказать людям, мертва, хотя и дух без техники бывает немощен. Не отражается ли пользование компьютерным устройством на средствах художественной выразительности автора?

— Это зависит от пишущего. Выразительные средства, лексика, стилистика, фразеология, музыкальность — все это создается писателем. Машина лишь помогает и облегчает его труд. Машина не способна превзойти человеческий интеллект. Компьютер, конечно, заменит и словарные источники: лексические, стилистические, фразеологические, толковые, энциклопедические и т. п. Для этого создаются соответствующие банки данных, к которым по мере надобности подключается компьютер.

Когда впоследствии я оказался на одном из самых современных заводов Японии, многие из моих скептических взглядов, должен признаться, стали заметно рассеиваться. Передо мной был завод по производству роботов. По обычным измерениям, здесь должны были бы работать около 5—6 тысяч человек. В огромном цехе, однако, не видно было ни одного рабочего или инженера. Их я заметил потом в специальном помещении, у пультов.

— На нашем заводе занято тридцать рабочих — «синих воротничков» и около ста пятидесяти «белых воротничков» — инженеров, — ответил на мое недоумение сопровождавший меня инженер. — При этом главная их функция — наблюдение за роботами и текущая настройка автоматов, которые сами автоматически подают сигнал, если нуждаются в помощи. Инженеры наблюдают лишь за специальными табло, где представлена детальная картина производства.

— Каков характер продукции завода? — продолжил я спрашивать инженера.

— Роботы... Здесь роботы делают роботов различного назначения и функциональности.

— Давно ли действует система роботов на вашем предприятии?

— Сейчас трудятся роботы четвертого поколения. Но разрабатывается очередное их поколение — мыслящие роботы, олицетворяющие собой уровень XXI века. Отдельные образцы «думающих роботов» демонстрируются теперь на научно-технической выставке в Токио.

— Верите ли вы в интеллектуальность роботов?

— Это, конечно, вопрос степени понимания. Мы уверенно к этому продвигаемся. Быть может, робот не во всем достигнет уровня человеческого интеллекта, но во многом, однако, он заменит не только физический, но и умственный труд людей. В ряде областей, в счетно-вычислительной, например, машины давно уже превысили человеческие способности. Теперь это стало элементарным. Разве это плохо? Япония развивается значительно быстрее других западных стран: темп развития Японии составляет 9% в год, тогда как США — 2%.

— Какое место в мире занимает Япония по производству и внедрению роботов?

— Ведущее... Япония идет впереди США, которые, как известно, достигли чрезвычайно высокого уровня в автоматизации производства современной технологии. Тем не менее Япония опередила Америку по целому ряду отраслей: электронике, оптике, химическому производству, не говоря уже о судостроении, где Японии принадлежит пальма мирового первенства уже в течение десятилетий. Не забывайте при этом, что Япония территориально почти в 25 раз меньше США, не располагает своими сырьевыми ресурсами, вся ее промышленность держится на ввозном сырье и т. д.

Все это отражается на торговле Японии и США. Между тем достаточно сказать, что в 1984 году торговый дефицит США с Японией составил около 40 миллиардов долларов... Как объяснить этот феномен? Мы должны признать, что Америка все более делается неконкурентоспособной. Разве не парадоксально: в США, которые производят автомобилей больше любой страны в мире и экспортируют их во все уголки земли, каждый четвертый автомобиль — японского производства. Япония экспортирует ежегодно в США свыше 2 миллионов автомашин. Американцы все более импортируют автомашины японского производства, которые экономнее, надежнее и дешевле. Почитайте японские газеты: сейчас между США и Японией разразилась жесточайшая война по вопросам тарифов, протекционизма и рыночных барьеров. Белый дом угрожает Японии не просто применением экономических санкций... А ведь это произошло в течение каких-либо 20—30 лет после войны.

— Не достигает ли этого Япония за счет большой дешевизны рабочих рук и низкого жизненного уровня трудящихся? — спросил я собеседника.

— Возможно, такое положение имело место в первые годы после мировой войны. Но сейчас подобная концепция не выдерживает критики. Это, извините, вчерашний день. Заработная плата квалифицированных рабочих в Японии, не говоря уже об инженерно-техническом персонале, едва ли уступает оплате труда в Европе и Америке. И если уступает, то, извините, не намного. А уровень жизни японцев неузнаваемо возрос. Это самоочевидный факт и в Токио, который стал одним из международных центров, играющих важную роль в мире экономических связей, торговли, технологии, фасонов и искусства. Современное производство, как вы это видите, весьма существенно отличается от промышленных предприятий прошлого, даже недавнего прошлого. Наш завод, к примеру, комплектуется технический персонал из выпускников высшей школы, университетов. Если в течение одного года или даже шести месяцев отобранный кандидат удовлетворяет нашим условиям, то мы предлагаем ему работу и пожизненный контракт со всеми вытекающими из этого последствиями и обязательствами завода.

— И что же?

— Ни один кандидат пока что не отказался от нашего предложения...

— А как же с остальными, которые не попадают в число избранных?

— Нас интересуют лишь те, кто отвечает условиям нашего производства. Это, разумеется, перспективные сотрудники. Фирма делает расчет именно на подающих надежды... Никакие протекции, рекомендации или ходатайства влиятельных людей, как это обычно практикуется, фирмой во внимание не принимаются. Только личные качества кандидата служат основанием при отборе.

— Что это значит?

— Прежде всего способности человека, необходимые знания, творческие данные, а также — и это весьма существенно — психологическая совместимость кандидата... Фирма ограждает себя от людей, страдающих комплексом неполноценности...

— Каким образом это устанавливается?

— Тщательным наблюдением, проверкой исполнения заданий, повторными тестами... — сказал инженер, бросив на меня взгляд своими узкими, как щели, глазами, которыми, кажется, трудно что-либо и разглядеть.

— Не без причины, — продолжал инженер, — Япония ныне слывет обществом наиболее стремительного изменения в мире. И вместе с тем Япония покоится на традициях, уходящих в глубину времен. История и традиции, отнюдь не создавая барьеров в развитии, в действительности стимулировали изменения в Японии таким образом, как это, пожалуй, неизвестно в других странах мира. При этом поистине радикальные перемены произошли в течение коротких

десятилетий, не разрушив основ японских традиционных корней и самобытной социальной преемственности.

— Чем же объясняется это «японское чудо»?

— Никакого «чуда», извините, здесь я лично не усматриваю. Это выдумка зарубежных экономистов, международных оракулов. С моей точки зрения, объяснение следует искать в высокой организации производства, технологической дисциплине, заинтересованности рабочих и технического персонала в труде, который и оплачивается по фактической его эффективности.

— Путем жестокой эксплуатации человека?

— На нашем заводе эксплуатируются главным образом роботы, а не люди.

— Но роботы возникли на капитал, рожденный заводчиками, благодаря беспощадной эксплуатации рабочих, на их костях и крови...

— Не забывайте, что в Японии очень сильные профсоюзы, которые успешно отстаивают права своих членов. К тому же в нашей стране наиболее низкий уровень безработицы. Во всяком случае, несравненно более низкий, чем в США и в Европе. Ограниченность полезных ископаемых и собственно промышленного сырья в Японии привела к тому, что рабочие руки, труд человека, его мастерство и искусство стали основой экономики, главным источником ее развития. Япония превратилась в огромный фабричный комплекс, где только рабочие руки свои, а все остальное ввозится и вывозится. Рабочие руки — главная основа и ресурсы Японии.

— Что значит заинтересованность персонала в работе, рабочем месте? Боязнь оказаться выброшенным, остаться без средств существования?

— Не следует забывать, что речь идет о капиталистическом производстве, которое, как наша фирма, должно приносить доход. Иначе какой смысл вкладывать в него капитал и человеческий труд? Не благотворительностью же движимы заводчики и предприниматели? Человеческое, о котором все так много говорят, особенно на митингах, да, но лишь в известной степени...когда и если оно взаимовыгодно...

— Значит, выжимается прибыль за счет угнетения тех, кто создает ценности?

— Основные ценности на нашем производстве создаются машинами, автоматами, роботами, все более широким применением электроники, кибернетики...

Слушая японского инженера, который стремился всесторонне обрисовать технологический процесс на заводе, мне трудно было отделаться от впечатления, что он нередко сбивался на субъективизм и некоторую идеализацию положения дел.

3.

С давним моим коллегой, Охара сэнсэй, одним из редких ныне эрудитов, я встретился в его доме, где царит книжный аромат. С тех пор как мы расстались, он заметно состарился. Ему теперь исполнилось восемьдесят восемь лет. Непримириемость, увы, движущегося времени. Безотрадная истина.

Возраст этот, однако, в иероглифическом изображении в Японии ассоциируется со знаком «рис», который в своем генезисе обозначает «зажиточность», «богатство», «благополучие». И как у растения, у него непрменные сроки чередования цветения и тлена в природе. смена одного другим в человеческой жизни.

— Преданность книгам — гордость моей жизни. Не променяю ее ни на какие сокровища. Библиотека моя — высший комфорт и радость моего существования, — сказал Охара сэнсэй, предлагая мне занять удобную позу на циновке.

Нет, не каждый японский дом, в который я входил, был столь удобен, приятен, располагающ. Далеко не каждый, принадлежащий современным литераторам. Просторно, удобно, много света. Но если всмотреться, то ничего дорогостоящего с европейской точки зрения, никакой ценной мебели в доме не было. Свежие циновки, раздвигающиеся створки стен и двери, низкорослые столики... И это, пожалуй, все, но именно они создают удобство, комфорт, ощущение пространства. Нет здесь тяжелых, давящих на вас буфетов, занимающих полквартиры, угловатых кресел, мешающих передвигаться в комнате, и гардеробов, которые восходят к старосветским временам. Так что же создает атмосферу комфортабельности, удобства, свободы? Отсутствие вещей, но только лишних, захламляющих жилье. Отсутствие ненужных вещей и предметов, к которым постепенно привыкаем, терпим их, хотя они мешают нам, и, однако, дорожим, не можем с ними расстаться.

В доме Охара сэнсэй — простор, который достигается почти полным отсутствием вещей. А те, что есть, малогабаритны, аккуратны, миниатюрны.

— Культ миниатюры, пожалуй, идет от самой японской земли, от малых ее размеров, — сказал Охара, — земля к тому же крайне скудна. Недра японских островов не таят в себе сколько-нибудь полезных ископаемых. Все нужно привозить извне, из заокеанских стран.

Ограниченность сырьевых материалов, в свою очередь, предрасполагала к очень рачительному их использованию. Так было всегда: из минимального количества сырья извлечь максимум пользы. За счет мастерства, искусства, конечно. Отсюда — утонченность, совершенство, эстетичность. Способность в малом увидеть и выразить большое, масштабное, многозначительное. Словом, угадывать великое в немногом.

— Многое начинается с малого... Как и самые большие, полноводные реки берут истоки с ручейка, сливающегося с другими, так и нравственный мир человека складывается из великого множества поступков, формирующих в совокупности жизненный опыт души и сердца.

С этим связана и промышленная эстетика: самые малые транзисторы, миниатюрные телевизионные аппараты, изделия электроники. Культура малогабаритных, малолитражных автомобилей, различного рода машин и т. п. Характерна также и архитектура, особенно интерьер японского жилища, где явно доминирует чувство миниатюры, малые формы, деталь. При этом господствует эстетика асимметрии в отличие от европейского искусства, где, с точки зрения японцев, преобладает унылая парность, геометрические фигуры, симметрия. Разумеется, не последнее значение здесь имеет и то, что японцы невысокого роста, заметно мельче европейцев, хотя в последние десятилетия высокорослых японцев становится все больше, особенно среди мужчин.

Все это существенно отличает весь образ быта японцев от иностранцев. Последним поэтому кажется, особенно с первого взгляда, что японское жилище слишком тесно и неудобно, что употребляемые ими вещи напоминают какие-то недомерки. Тогда как японцам иностранцы видятся непомерно крупными, неуклюжими, лишенными элегантности, изящества.

Когда глаз европейца постепенно привыкает к Японии и японцам, он начинает обнаруживать, что его жилище слишком загромождено тяжелой мебелью и ненужными вещами. Ему становится тесно и неудобно. Он старается избавиться от излишних вещей, освободиться от всего того, что загромождает его дом.

Помня давнюю японскую традицию, я решил написать черной тушью на белом листе бумаги иероглифический знак «рис», как бы прямое поздравление с восьмидесятивосьмилетием.

— О, благодарю вас, достоин ли такой чести?.. Ведь это очень счастливый символ, как вы это помните? — живо заговорил Охара сэнсэй и в знак учтивости, пристав с циновки, поклонился.

Необходим, пожалуй, комментарий. Иероглифическое изображение «рис» состоит из шести штрихов, которые композиционно позволяют выделить три сочетания по две черты (в порядке их написания) и таким образом составить цифру «88» с помощью знаковых чисел «8-10-8». Именно так рисуется знак «рис» при всей загадочности самого происхождения иероглифической письменности. Карамзин как-то сказал: «История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием». Изобретение иероглифики китайцами составило эпоху, продолжающуюся тысячелетия. Китайская иероглифика была заимствована японцами и другими народами дальневосточного ареала. Японцам

удалось приспособить ее к своему языку и модернизировать так, что она продолжает служить им и в век атомных открытий, электроники и лазера.

К этому следует добавить, что для пожелания долголетия вообще существует другой иероглиф — «долголетие», который в японском языке в отличие от китайского со временем приобрел значение «поздравления».

— Долголетие — высокая награда природы человеку, но есть еще в жизни нечто... — произнес Охара сэнсэй, не закончив фразы.

Это была посылка, как говорится, осторожный намек. Тайна здесь в том, что иероглифы «долголетие» и «счастье» считаются в Японии парными, или сопутствующими друг другу. И без всякой опасности впасть в ошибку можно сказать, что пользуются они наибольшей популярностью в народе как символы самых счастливых надежд человека. Часто в виде перстней можно встретить два этих иероглифических знака, которые обычно бывают выгравированы ювелирами и ценятся особенно высоко как произведение каллиграфического искусства.

— Надеюсь, вы были счастливы в вашем долголетии... И я вновь желаю вам и счастья, и долгие лета, — сказал я Охара сэнсэй.

— Аригата годзай масита — весьма признателен за добрые ваши чувства. Я счастлив, познавая жизнь через соприкосновение с книгами. Эта страсть моя с детства, она не покидала меня никогда. Помимо всего, книги — последние наши друзья. Самые последние и самые верные. Они нас не обманывают. Не покидают нас, всегда остаются с нами, а главное — не попрекают нашей старостью... Знаете ли, по слову поэта, аричаровательная свежесть старых книг подобна выдержанному вину...

Я слушал Охара сэнсэй, а сам напрягал память, чтобы вспомнить имя мудрого человека, сказавшего, что книга перенесла меня из узкого круга мелких и однообразных интересов на широкую сцену истории и творчества, литературы мировой, на арену, где действовали герои во имя высоких идеалов добра, правды, прекрасного, родины, человечества...

За спиной Охара сэнсэй высились полки книг — от пола до потолка. Все его жилище — стены книг, за которыми стояли раздвигающиеся «фусума» — перегородки. Поистине, как у М. Волошина:

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы...

— Какие книги преимущественно помещаете вы на ваших полках? — спросил я Охара сэнсэй.

— Золотые это полки! На них ставлю я любимые мои книги, которые для меня — своего рода ковчег великих мыслей великих людей. Я чувствую, что способен вдыхать мудрость, живя среди книг. И аромат тронутых молью переплетов столь же свеж для меня, как аромат первых цветов сливы и сакуры, что растут в счастливом нашем саду.

Охара сэнсэй как бы намекнул на Ки-но Тимонори (X в.), которому принадлежат поэтические строки:

Если б не было вас,
Кому показать бы решился?
О цветущая слива!
Лишь тот постигнет ее,
Кто постиг и запах, и цвет.

Справедливо говорят, что у одних книги заполняют жизнь, а у других — только книжные полки. Верно сказано А. Герценом, что надо уважать книгу, надо с почтением входить в этот храм мысли... И я привел невольно вспомнившиеся мне поэтические строки И. А. Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена...

— Падают цветы... Сон мой невесел,— едва слышно произнес Охара сэнсэй.

И я заметил, что руки его дрожали, тонкие пальцы мяли и комкали носовой платок, словно стремясь изодрать его в клочья... Да, хозяин улыбался только лицом, всем же существом своим он испытывал иные чувства, которые скрывал, не желая собеседнику причинять неудобств.

Не знаю почему, но в памяти моей всплыли слова совсем не японского писателя: «В пору моей молодости,— писал Стриндберг,— много говорили о носовом платке госпожи Хайберг... Это был прием двойной игры, заключающийся в том, что, улыбаясь лицом, руками она рвала платок...»

Совсем это другое. Вовсе по-иному ведут себя японцы. Они улыбаются вам даже в минуту скорбных испытаний. Улыбаются потому, что не хотят, не должны в силу нравственных правил переносить или внушать личные свои горести другим, своим собеседникам, например.

Мне как-то пришлось быть свидетелем беседы японца с женщиной, недавно потерявшей сына, и обнаружить, что внешнее ее спокойствие была только маска, а на самом деле она мучилась безутешным горем. Японец приходит в восхищение — не столько от героизма и стойкости

гостья, сколько от полного, как ему представляется, соответствия между ее поведением и традиционной манерой держаться перед другими.

Не без основания классик японской литературы Акутагава отмечал: «Цубоути был, разумеется, прав, когда писал в своей «Сущности романа»: «Главное — описание чувства, потом уже нравов и обычаев... Чувство — это мозг произведения».

— Но здесь, среди собранных мною книг,— заговорил Охара сэнсэй,— особое место занимают произведения русских классиков — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Гоголя и других, переведенных на японский язык и изданных в нашей стране. Переведенных при этом не однажды, разными мастерами, каждый из которых был движим стремлением глубже проникнуть в оригинал русского текста и как можно точнее передать его на японском. Труд этот столь же благороден, сколь и многосложен. Думается, что лишь в идеале возможен адекватный перевод художественного произведения, созданного гениальным писателем или поэтом. Строго говоря, перевод художественного творения на иностранный язык — это приближение в той или иной степени к оригиналу.

— И все же труд этот должен продолжаться,— включился в нашу беседу крупнейший литературный критик Ямамото, занимающий пост президента Ассоциации японских писателей.— Здесь не может быть двух мнений. Вспомните историю развития новой японской литературы... Становление ее происходило под огромным, если не сказать доминирующим, влиянием русской классической литературы. И мы знаем, что воздействовали на творческое развитие японских писателей, притом не одного поколения, книги таких корифеев искусства слова и мысли, как Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Чехов, Горький. По сути, новая наша японская литература восходит ко времени перевода на японский «Записок охотника» Тургенева. Они положительно завладели воображением японской интеллигенции благодаря своей поразительной проникновенности, необыкновенной способности художника столь глубоко войти в мир живой природы и психологию человека, способностью искусством слова гармоничную, благодатную природу противопоставить раздирающим противоречиям социальной жизни.

Ямамото неторопливо отпил зеленого чая из керамической чашки, стоявшей перед ним на лакированном столике. Осторожно придерживая ладонями, поставил ее на место, немного помедлил, а затем вновь заговорил:

— Да, все мы глубоко обязаны Тургеневу, блестящему его таланту. Произведения Тургенева до сих пор любимы нашим читателем. Они стали достоянием духовной нашей жизни. И, думается, навсегда. Но, конечно же, не только Тургенев вторгся в душу японского читателя. Немыслимо, к примеру, переоценить гигантскую роль Толстого, его

творений и миропонимания в развитии и формировании японского романа и вообще духовной жизни японцев. О Толстом написано и сказано в Японии, вероятно, больше, чем в любой другой стране на нашей земле. Он близок нам. Он всегда с нами... Японцы благодарны, благодарны навсегда... А вместе с Толстым в Японию пришли такие гениальные художники слова, как Пушкин, Достоевский, Чехов, Горький...

На какое-то мгновение Ямамото остановился. Искося взглянул на чашку с зеленым чаем, прикоснулся к ней ладонью, но пить не стал.

Бросив взгляд на композицию икебана, украшавшую такэному — почетное место комнаты, он задержался на какое-то время. Кто знает, быть может, его привлекла необыкновенная композиция цветов, что свойственно японцам, которые едва ли пропустят оригинальное сочетание растений, философский их язык. Это была традиционная композиция воображаемого плато, плоской возвышенности, над которой стоят два японских растения арарики, господствующие над расположенными у оснований сухих их ветвей, олицетворяющих скалистую землю. Подобные композиции — частая принадлежность излюбленных мест встреч японцев. Они обычно остаются мало замечаемыми иностранцами. Как знать им внутренние тайны японского образа быта? Но почему бы не знать? Почему европейский образ жизни изучен другими народами, в том числе азиатскими, столь досконально, по крайней мере в литературе и искусстве? Можно было бы, и, кажется, давно пора, хотя бы теперь, в век активного постижения стран Запада и Востока, уделить давно заслуженное внимание естественным нашим соседям, их жизни, особенностям духовного их быта, как и всем остальным народам земли. И делать это нужно не только потому, что завтра или годом позже они станут, неизбежно станут близкими нам в идейных наших взглядах на мир и человечество.

Молчаливая пауза длилась, однако, недолго.

— Говорю не просто о своем убеждении. Но и о нем тоже говорю. Само развитие новой японской литературы, которая, хорошо это известно, вместе с иероглифической письменностью корнями своими питалась китайским искусством слова и каллиграфии, свидетельствует, несомненно, о том, что ни одна другая литература не оказала столь сильного воздействия на литературный процесс в Японии, как русская классическая, а затем и современная литература.

Не впервые слышу я подобные высказывания о русской литературе в Японии. Многое удалось прочесть, многое услышать из уст самих первоклассных литераторов, переводчиков русской литературы.

Разве не достойно восхищения уже одно то, что профессор Хара Хиситирио в начале 60-х годов, когда ему было уже семьдесят лет, продолжал переводить академическое полное собрание сочинений Толстого в 99 томах? Истый японец, он был полон творческих сил,

давно стал толстовцем по духу и мировосприятию, просил меня, тогда советского посла в Японии, помочь восполнить недостающими томами то самое академическое собрание сочинений Толстого, над которым он в ту пору трудился. Нужно ли говорить, что недостающие тома были вскоре вручены профессору в присутствии японских представителей массовой информации, проявивших к этому повышенный интерес. Не буду говорить, как счастлив был великовозрастный профессор, получая недостающие тома, которые он воспринимал словно панацею в творческом своем подвижничестве.

И тогда и теперь меня удивляло, не может не удивлять то, что человек способен посвятить всецело всю свою жизнь, единственную и неповторимую, исключительно исследованию и переводу произведений Толстого на свой родной японский язык с одной лишь целью — сделать его достоянием духовной жизни своего народа, полюбить и поверить гениальному сыну земли русской, земли ближнего своего соседа.

— Но сегодня с нами на нашей встрече,— заговорил Охара сэнсэй,— сын покойного профессора, уважаемый его преемник — профессор Хара Такуя, наследник и продолжатель династии Хара. Он также посвятил значительную часть своей жизни изучению и переводу произведений другого гения русского искусства слова — Антона Чехова...

И в моем сознании воскресло воспоминание, когда Хара-младший, совсем юный и очень низкорослый, пришел ко мне со связкой книг Чехова на японском языке, чтобы преподнести их стране, породившей чеховский гений.

— Здесь шестнадцать томов произведений Чехова, которые мне удалось очень грубо переложить на японский язык... Примите их в знак моей любви и преданности...

Не верилось мне, что юноша этот способен был тогда сделать книги Чехова достоянием японского читателя. Сомнения мои вскоре рассеялись. Помогли не просто положительные рецензии в японской прессе. Труд Хара Такуя, как и его родителя, получил весьма высокое признание. Чехов, как можно было понять, стал фактом японской литературы. Возможно, Чехова переводили другие японцы. До и после Хара Такуя. Возможно, но мне известен он и его личный опыт — 16 чеховских томов на японском языке, изданных в самом начале 60-х годов.

— Едва ли я совершил что-либо такое... необычное по сравнению с подвигом моего отца... Он всегда был и остается в моем сознании, стоит перед моими глазами. Он, конечно, родитель мой, и я, вероятно, пристрастен... Но вместе с тем личное его подвижничество не могло, конечно, не затрагивать моего сознания, моей совести. И я увлекся Чеховым. Что говорить, ушел в его творчество с головой. Ходил и жил

с тех пор, как зачарованный. Понимал, конечно, своего отца, который стал отъявленным толстовцем, только и желал вновь посетить на редкость простую могилу Толстого в Ясной Поляне, а потом, как он говорил, господь со мною, что будет, то будет!..

И я видел, когда говорил Хара Такуя, руки его, тонкие и чувствительные, заметно дрожали, выражая, очевидно, внутреннее его волнение. Да, воспоминания пробуждают волнения. Но разве не волновались мы и тогда, в те мгновения, когда профессор Хара Хиситиро вручал мне тома академического собрания сочинений Толстого на японском языке или сын его — Хара Такуя — передавал мне для Академии наук СССР полное собрание сочинений Чехова на японском языке — труд его многолетних усилий.

Известно, что чеховская драматургия в начале нынешнего века оказала значительное влияние на развитие японской новой драмы — «сингэки». Это было также время проникновения в Японию творчества Стринберга, Ибсена, Метерлинка, хотя их влияние со временем снижалось и в настоящее время почти незаметно. Следует сказать, что воздействие произведений Чехова, в том числе драматургии, неизменно возрастало. По свидетельству японских критиков и литературоведов, чеховское наследие продолжает оказывать значительное влияние на развитие современного японского театра, привнося в него то неповторимое по форме и мысли, что так характерно для жанра чеховских пьес. Весьма примечательно, что «Вишневый сад» Чехова — излюбленная пьеса японцев.

Творчество Чехова в Японии следует рассматривать не просто как издание его книг на японском языке. Чехов в Японии — важное явление в духовной жизни японского общества. Правомерно поэтому оценивать роль Чехова в свете взаимного проникновения русской и японской литератур, в развитии новой драмы и всего театрального мышления.

Среди всей современной иностранной литературы, как говорил классик японской литературы Акутагава, нет такой, которая оказала бы на японских писателей, и даже скорее на японские читательские слои, такое же влияние, как русская. Даже молодежь, незнакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. «Этого достаточно,— подчеркивал Акутагава,— чтобы стало ясно, насколько нам, японцам, близка Россия... Тот факт, что современная японская литература испытала на себе огромное влияние современной русской литературы, объясняется, несомненно, тем, что современная мировая литература в целом испытала на себе огромное влияние современной русской литературы».

Но еще более важная проблема, по мнению Акутагавы, заключается в том, что объяснение этому следует искать в сходстве характеров русских и японцев. «Мы, современные японцы, благодаря произведениям великих русских реалистов в общих чертах смогли понять

Россию. Постарайтесь и вы, русские, понять нас, японцев. (Мы, японцы, чувствуем себя в мире совершенно одинокими в сфере искусства, исключая изобразительное и прикладное).

...Япония после 1880 года родила множество талантов. Эти таланты либо, подобно Уолту Уитмену, восславляли человека, либо, подобно Флоберу, правдиво рисовали жизнь буржуазии, либо, наконец, воспевали традиционную японскую красоту, присущую одной лишь нашей стране. «Если вслед за переводами моих произведений русские познакомятся и с произведениями этих талантов, — говорил Акутагава, — радоваться буду не я один. Мое предисловие кратко. Но его написал японец, который считает ваших Наташу и Сою нашими сестрами. С этой мыслью читайте написанное мной».

Не прискорбно ли, что все эти издания русской классики на японском языке как-то остались без должного отклика. А жаль... В свое время академик Н. И. Конрад собирался отозваться, но — краткость жизни... Почему же ныне здравствующие японисты не считают для себя хоть сколько-нибудь необходимым должным образом откликнуться на столь знаменательное это явление, разве это противоречит патриотическим и интернациональным принципам нашего миропонимания?

— А помните ли вы профессора Енэкава Масао, необыкновенного японца, который всю свою жизнь, как и профессор Хара Хисиитиро и его сын Хара Такуя, видел свое призвание в том, чтобы бессмертные творения русских писателей сделать художественным достоянием японского читателя? — обратился ко мне Охара сэнсэй.

Не пришлось мне особенно напрягать свою память. С профессором Екэнава Масао мы встречались в Токио довольно часто. Не однажды он выражал мысль о том, что Достоевский сложен, труден в понимании его творчества даже в России. Написано о Достоевском так много различными искусствоведами на различных языках, что становится все труднее проникнуть в истинный смысл его произведений. Тогда свою задачу видел я в том, чтобы снабдить Екэнава Масао современными работами советских исследователей наследия Достоевского и таким образом помочь ему в изучении творчества писателя.

Запомнилась последняя встреча с Екэнава в 1962 году, перед моим отъездом из Токио. У него была страсть — старинный театр масок Но. Екэнава нередко выступал там как режиссер и исполнитель традиционных ролей ученых.

Помнится, как после спектакля в токийском театре Но, в котором Екэнава играл одну из главных ролей, мы возвращались домой переулками старого города.

— Вся моя зрелая часть жизни, — говорил Екэнава, — была нерасторжима с переводом и изданием произведений Достоевского. Теперь можно сказать — весь Достоевский, все, что выходило в свет на

русском языке, включая эпистолярное наследие, опубликовано мною на японском.

Сделав еще несколько шагов, Экэнава вдруг остановился и, обернувшись ко мне, продолжал:

— Все перевел и передал на суд японского читателя... Все наследие великого Достоевского я положительно «обсосал до кончиков пальцев», — произнес Экэнава и сказанное показал руками.

Некоторое время мы шли молча. Затем он вновь заговорил:

— У меня все чаще бывает острое ощущение, что завершение этого труда, в котором я находил оправдание своему существованию на земле, как бы напомнило о том, что выполнил я судьбою вверенную мне миссию: все оказалось исчерпанным, в самой жизни словно нет уже больше для меня смысла...

К сказанным мною словам о том, что не должны мы предаваться пессимизму и что в жизни еще столько незавершенных дел, Экэнава, казалось, остался глух. Он больше не проронил ни звука. Вскоре мы подошли к моему дому и расстались молча. На следующий день я покинул Токио... Пророчество же Экэнава оказалось фатальным. В Москве я вскоре получил телеграмму о безвременной его кончине.

Впечатлениями о последней встрече с Экэнава я поделился с японскими литераторами во время беседы у Охара сансэй, в присутствии сына покойного профессора Экэнава, который тоже посвятил себя изучению и переводу славянских литератур. В беседе участвовал и Хара Такуя, которому, кстати сказать, принадлежит слова:

— Японские писатели испытали на себе огромное влияние Достоевского, но ведь это Достоевский в переводах Экэнава. В этом смысле чрезвычайно велик вклад Экэнава и в японскую литературу... Широкое распространение и признание получил в Японии капитальный труд Экэнава о жизни и творчестве Достоевского...

Полное собрание сочинений Достоевского было выпущено Экэнава в переводе на японский издательством «Кавадэ сэбо» еще в довоенные годы. Помимо произведений Ф. М. Достоевского, Экэнава переводил также других русских классиков, в том числе «Собрание сочинений Л. Н. Толстого» в 23 томах, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, который впервые увидел свет на японском языке в 1921 году.

Согласно библиографическим источникам, такое произведение Достоевского, как «Преступление и наказание», переводилось различными литераторами пятнадцать раз. Этот роман дважды включался в первую десятку лучших книг (бестселлеров) в 1948 и 1963 годах. В настоящее время издательство «Кодайя» выпускает в свет новый перевод полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах.

А вот свидетельством современного прозаика Кэндзабуро Оэ, книги которого переведены на русский язык и пользуются широкой популярностью. Как-то он ответил, желая подчеркнуть свое особое

отношение к таким гениям словесности, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой: «Братьев Карамазовых» читал двенадцать раз!..» Нет, кажется, особой необходимости морализировать по поводу, сколько читали Достоевского наши современные писатели.

Лики Японии... Непостижимые, непроницаемые, герметичные. Сколько раз приходилось мне слышать от европейцев, что все японцы в их глазах похожи друг на друга и часто их невозможно различить. Но я знаю, со временем люди меняют свои взгляды, особенно если им приходится жить в Японии, общаться с народом. Помогает опыт. И первоначальное впечатление изменяется. Впоследствии же оказывается, что одинаковые японцы встречаются так же часто или столь же редко, как и одинаковые европейцы, которые для японцев поначалу тоже кажутся все на одно лицо...

ДУША ЯМАТО

Глубокая приязнь японцев к живым цветам, повсеместному и повседневному их использованию в виде украшения — одна из приметных национальных особенностей этого народа, связанная с исторически сложившейся в Японии системой духовных ценностей. Традиционное японское искусство аранжировки живых цветов — икебана — известно теперь во всем мире. Это — язык цветов в их сочетаниях и красках.

Мало найдется стран, где бы люди испытывали такую чрезвычайную приверженность к растительному миру, какую мы видим у японцев. Искусство Флоры, богини цветов и весны в древнеримской мифологии, предстает в Японии своего рода культом цветов, который без преувеличения можно назвать одной из характерных черт жизни и быта этой страны.

Цветок — символ эволюции, постоянного превращения и развития. Эстетического перевоплощения. Давно замечено, например, сколь изысканна, художественна форма упавших в воду лепестков. Уродство видят японцы в бесформенности. Они прекрасно знают, умело выращивают и бесконечно ценят цветы своей земли, хотя привлекают их и цветы далеких берегов. Не без причины великий Басё в стихотворении «Моему ученику» говорит:

Путник в далекой стране!
Вернись, тебе покажу я
Истинные цветы.

Правда, следует напомнить, что у японцев, насколько нам удалось познакомиться с этим, существуют три предмета эстетического поклонения, три культа: цветов, луны, снега. Эти культы и их формы, выработанные укладом жизни в течение веков, ярко запечатлелись

в поэзии, живописи, в языке. В этих символах действительность предстает как бы отражением чудесного.

Природа японских островов помогает почувствовать, понять: прекрасны цветы, луна, снег. Жизнь повелела: любоваться цветами в их смене, в нескончаемом чередовании соответственно времени года, любоваться луной в ночи полнолуния, особенно осенью, когда над Японией простирается, как там принято говорить, «ниппонбарэ» — «японская ясность», то есть ровное, однотонно чистое небо; любоваться снегом, когда он ложится на землю, словно ковер из цветов». В языке образовались понятия: ханами — «созерцание цветов», цукими — «созерцание луны», юкими — «созерцание снега». А самый обычный японский толковый словарь поясняет: «ханами» — смотреть на цветы и наслаждаться, испытывать радость, восторг. Употребляя для передачи многозначного слова «таносиму» соответствующий контексту иероглиф, хотят подчеркнуть, что включают в «таносиму» элемент, означающий «ле» («раку») ¹ — «веселье душевное», «услладу души». Укладом жизни выработана традиция торжественных трапез в часы любования цветами, что характерно для поэзии и эстетических норм быта и других дальневосточных народов.

Японцы создали глубоко самобытный культ природы, природы родных островов, омываемых океаном. Именно в ней они искони находили постоянный и неиссякаемый источник всего мудрого и прекрасного, щедро питавший их национальное искусство.

Живая природа, естественное всегда служили для них ориентиром, высшим образцом, внушавшим чувство благоговейного почитания, которому японцев учат с детства.

Речь при этом идет не просто о защите природы, бережном и уважительном отношении ко всему живому на земле. Речь идет о защите и сохранении собственной души человека как высшего творения природы. Становление человека, формирование нравственных устоев и гражданственности начинается с юных лет.

Природа, как она изображается в лучших произведениях искусства, извечно нравственна, наделена мудростью, проникнута гармонией. Возведенные на острове Хонсю храмы Исэ — самые древние и почитаемые в Японии — посвящены синтоистскому культу, древней религии японцев, в основе которой лежит поклонение «силам природы и духам предков». Природу нужно не перекраивать и насильственно подчинять себе — учит эта религия. Нужно стремиться к ее постижению, с тем чтобы проникновение, познание это обратить на благо человека. Нельзя бездумно властвовать над природой, нельзя не следовать ее известным законам.

Ф. Энгельс в свое время писал: «Не будем, однако, слишком

¹ Здесь приведены два чтения иероглифа.

обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»¹.

Наши дни приносят все новые свидетельства того, насколько злободневно и насущно звучит для нас это предупреждение.

Любовное отношение японского народа к цветам прекрасно выражено в поэтических строках Акахито, прославленного народного певца Японии первой половины VIII века:

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок
душистых,

И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел среди цветов
до рассвета!

Мир цветов с их бесконечным многообразием красок и форм, их пленительной красотой, возвышенные чувства и благородные движения души, которые он внушает человеку, неизменно служили источником вдохновения для японских поэтов всех времен. Стихотворение Аривара Нарихира, поэта IX века, — один из образцов такой поэзии:

Я красотой цветов пленяться не устал,
И слишком грустно потерять их сразу...
Всегда жалею их,
Но так их жаль,
Как этой ночью, — не было ни разу!

Столь большой роли цветов в жизни японцев, несомненно, в значительной мере способствуют природные условия Японии. Мягкий морской климат, обилие влаги и солнечного тепла, благодатная почва позволяют японцам почти круглый год культивировать разнообразные цветы и декоративные растения. Цветоводство и садоводство приобрели в стране широчайшее распространение. Даже в крупных городах, в том числе в гигантском Токио, используется малейшая возможность, всякий клочок земли для разведения цветов и декоративных растений. В каждом японском доме, традиционном по стилю и типу постройки, непременно имеется так называемый «о-нива» — садик при доме.

Представьте себе рабочий пригород промышленного и торгового гиганта Осака. В этом пригороде люди живут в самом дешевом виде жилищ, называемых «нагая». Нагая — дом-цепочка, то есть вереница

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 495—496.

подведенных под одну крышу маленьких отдельных домиков-квартир. В каждом таком домике — одна-две комнатки, крошечная кухонька и, конечно, столь же крохотная «ванная комната» — помещение, способное вместить только ящик с горячей водой (японская ванна) и не более чем одного человека. Но одна из комнаток выходит в «о-нива» — садик размером с письменный стол. Значит, есть цветы — либо в земле, либо в горшках.

Собственно говоря, «нива» — просто сад, двор, но сердце японца не допускает обозначения этого маленького пространства «номенклатурным определением», языковой регистрацией; он хочет вложить в обозначение и кусочек своей души. Поэтому он и говорит: не «нива», а «о-нива». Что такое это «о»? Прозаическая грамматика ответит: «о» — «префикс почтительности, ласкательности, уменьшительности». Значит, это не «сад», а «садик», «сабочек» — что-то милое сердцу.

Много внимания и усердия вкладывают японцы в выведение новых интересных разновидностей цветов, усовершенствование их формы и окраски, улучшение сорта. Японские цветоводы стремятся к тому, чтобы цветы росли и цвели непрерывно в течение всех четырех сезонов года и чтобы при этом не нарушался определенный рисунок, ковер, сотканный самой природой из самых красивых форм и расцветок и их сочетаний.

Неудивительно поэтому, что на всей территории этого островного государства, в самых различных его районах, в городах и сельских местностях — всюду наблюдается поразительное богатство и разнообразие цветущих растений. Часто можно встретить образцы необычных, поистине экзотических сортов, очертаний, красок и оттенков растений — нередко очень крупных и даже огромных размеров.

Среди самых распространенных цветов Японии следует прежде всего назвать столь же уточненные, сколь и многообразные виды «золотого цветка» — хризантемы: летней, осенней, зимней, от мелких, «ординарных» размеров до необычно крупных, махровых. Это изумительное растение, принадлежащее к семейству сложноцветных, имеет роскошные, пышные цветы разной, часто самой неожиданной окраски. Хризантема является традиционным цветком и украшает официальную государственную эмблему Японии.

К хризантеме, чаще чем к любому иному цветку, обращались японские художники, создатели живописных полотен, с неповторимым художественным совершенством запечатлевших облик этого благородного растения. Японская литература полна прекрасных образцов поэтического творчества, воспевающего хризантемы. Вот небольшое стихотворение, принадлежащее Томонори, поэту японской древности:

Как тает иней, павший на цветы
Той хризантемы, что растет у дома,
Где я живу,
Так, жизнь, растаешь ты,
Исполненная нежною любовью!

Тонко по настроению и своеобразно по поэтическому видению стихотворение Сугавара, писавшего в далекие дни японской старины:

Те хризантемы белые, что там
Колелемы вдали приморским ветерком,
Все кажутся глазам
В осенний день
Прибрежною волной, а не цветком!

В Японии в отличие от европейских стран широко культивируются не только осенние хризантемы, но и летние. Японские и китайские цветоводы сажают хризантемы разных сортов и оттенков с тем, чтобы их цветение не совпадало, а продолжалось нескончаемой чередой. Отцветают одни хризантемы, зацветают другие, но чем ближе к осени, тем сочнее краски и обильнее лепестки. В больших городах устраиваются выставки хризантем. А возле императорского дворца, на обширных пространствах дворцового о-нива, который тут зовется «гёэн» — «парк», осенью, в разгар цветения хризантем, устраиваются пышные приемы в саду, для избранных гостей, разумеется.

По сравнению с самочувствием обитателя «нагая» разница, конечно, огромная! Одно — сидеть в одиночестве в малюсенькой клетушке и смотреть на крошку-садик с единственным кустиком хризантем; другое — бродить чинно в разряженной толпе, да еще в присутствии «высочайших особ»... Недаром тут уже не о-нива, а царственный парк, императорские уголья...

Японский сад поражает разнообразием расцветок и очертаний растений: темно-вишневые, белые с золотой сердцевинкой, светло-голубые, терракотовые, бело-розовые с висячими, трубчатыми, вогнутыми, игольчатыми лепестками. А цветоводы продолжают создавать все новые виды хризантем, добиваясь невиданной прежде формы, оттенков и даже размеров. Нынешняя хризантема — плод многовековой работы селекционеров, поразительно, фантастически обогородивших полевую ромашку.

Наибольшей силы и яркости цветение достигает в сентябре, когда распускаются десятки и сотни видов хризантем. Медленно накаляется этот огонь красок и так же медленно гаснет. Уже потянули северные ветры, уже окрестные леса стали желто-красными, потом бледно-серыми и темными, а на клумбах рдеет пламя хризантем, будто распушенное ветром на множество язычков...

Мне вспоминается день, когда мы посетили большой цветник в окрестностях Камакуры, раскинувшийся на огромном лугу, окруженном невысокими горами. Каждый вид цветов имел свою делянку. Лето было в разгаре, а многие сорта еще не были высажены в открытый грунт. Некоторые, возможно, так и останутся в горшках и кадках. Это иногда облегчает уход за растениями. Кадка лучше удерживает влагу. Интересно отметить, что даже в таком крупном цветнике, как камакурский, где хризантемы занимали значительную территорию, каждый вид был представлен лишь немногими экземплярами.

Нам сообщили, что цветник в Камакуре располагает примерно тысячью видов хризантем. На больших осенних выставках хризантем, ежегодно устраиваемых во многих городах Японии, демонстрируются все новые виды.

По литературным данным, хризантемы были вывезены в Европу в XVII столетии, а в Японии они выращиваются с VII века. Лишь лотос и бамбук могут соперничать с хризантемой в популярности. Нет, кажется, цветка, который воодушевил бы поэтов на такое множество стихов, а художников на такое обилие картин, как хризантема. Хризантемы на Дальнем Востоке не только декоративные растения. Их лепестки, обладающие чудесным медвяным запахом, примешиваются к ароматным сортам чая, на них настаиваются наливки и вина. В Киото и других городах мне приходилось видеть красивых, цветастых кур, названных различными сортами хризантем.

В Камакуре мы были в начале лета и не видели осенних хризантем, зато летние были нам показаны во всем их богатстве и пышности. При взгляде на хризантему трудно поверить, что этот нежный цветок так неприхотлив. В Камакуре редки морозы, но когда они случаются, хризантемы не только выживают, но и продолжают цвести. Греки называли хризантему златоцветом, и это название точно передает золотистое сияние цветка, окруженного снежно-белой короной лепестков. В древности росли только золотистые хризантемы,— не перестаешь дивиться тонам и оттенкам, которые приобрели они в позднейшие времена: розовые, медно-бронзовые, кирпично-красные.

Как в Камакуре, так и в других местах Японии нам показывали редкие экземпляры хризантем — достопримечательность местного цветоводства, его драгоценное сокровище. Нам много рассказывали о методах выведения красных и других хризантем, отличающихся крупными размерами. Перед нами открылись секреты выращивания так называемых плакучих хризантем, или каскадного цветка, который действительно создает впечатление потока, каскадом обрушивающегося вниз. Не скрою, мы были потрясены тем, что люди, занятые тысячами больших и малых дел, находили возможным в свободное время поддерживать культуру древнего цветка, да и, видимо, делали

это с величайшей охотой. И нам не однажды приходилось убеждаться, что здесь находит свое выражение извечное стремление человека к красоте, его желание сделать окружающую жизнь совершеннее. В этом, казалось бы, незначительном факте мы почуствовали стремление людей взять от природы прекрасные ее дары, умножить и обогатить саму природу, все то живое, что радует и волнует душу человека.

Кто долго жил в Японии, тот не мог не заметить, что в этой стране трудно найти человека, который не любил бы живых цветов. Любовь эта поистине заложена в глубинном мироощущении японцев. Она является выражением их эстетических взглядов, их художественных вкусов. Она нашла свое воплощение в произведениях национальной живописи, которой присуща удивительная художественная убедительность, эмоциональная действенность. Живые цветы были всегда одним из излюбленных сюжетов японских художников, авторов знаменитых мозаик и фресок, резчиков по дереву и яшме. С древнейших времен в сознании японского народа любовь к цветам ассоциировалась с мыслями о прекрасном и возвышенном, с устремлениями к лучшей, совершенной, гармоничной жизни, к торжеству жизнотворных сил.

Цветы — постоянный сюжет японской живописи. Конечно, не всей. Речь идет об определенном направлении в искусстве, имеющем специфическое обозначение — «цветы и птицы». Достаточно увидеть эти два иероглифических знака, как перед вашим взором сейчас же предстанут многочисленные работы этой тематики. Европейцы часто считают их чисто декоративными. Они не совсем точны: эта живопись стала декоративной со временем, но в пору своего возникновения и расцвета она имела не только декоративное назначение. Формула «цветы и птицы» дает ключ к этому искусству: птицы изображаются с ярким оперением, с фантастическими хохолками, с причудливо изогнутыми хвостами; цветы — вместе с ветвями, рисунку воспроизводит кресты и линии. Перед нами — мир, свой, особый мир: мир красок, линий и форм. Прибавьте к этому самое существенное — тот сокровенный смысл, который японцы открывают в цвете, линии и форме. Одни — сознательно, через философию, другие — бессознательно, интуитивно, через привычную, давно сложившуюся эстетику.

О большом внимании японцев к цветам и их роли в духовной жизни людей свидетельствуют уже самые ранние литературные, в частности поэтические, японские источники. И не только японские. Здесь следует отметить роль древней китайской культуры в становлении культурной традиции Дальнего Востока. Так, в народных песнях древнейшего китайского поэтического памятника «Шицзин» — «Книги песен», широко известной также и в Японии, цветы являются одной из

любимых тем. Значительное место занимают мотивы живых цветов в других произведениях китайской литературы — «Чуских строфах», пользующихся популярностью и в Японии. О цветах говорится в одной из древнейших песен — «Поклонение душе» — из цикла «Девять напевов», созданного родоначальником китайской поэзии Цю Юанем (340—278 до н. э.):

Весной цветут орхидеи,
Осенью — хризантемы.
Так и обряды наши
Тянутся чередой.

Замечательно, что упоминание о хризантемах, быть может, еще не культивированных, а диких, содержится в литературных записях седой старины. Судя по «Таблицам хризантем», составление которых относится к X столетию, их уже тогда насчитывалось до семидесяти различных видов. Именно хризантемам, которые, по меткой характеристике японцев, «способны бороться с дыханием осени и сединами зимы», посвящены вдохновенные строки многочисленных поэтических произведений, об этих цветах сложено множество преданий и сказок.

Выдающемуся китайскому писателю XVII века Пу Сун-лину (Ляо Чжай) принадлежит замечательная новелла, где рассказывается о любителе цветов по имени Мао Цзы-цай, в семье которого секрет выращивания хризантем передавался от отцов к детям. Мао Цзы-цай стал страстным цветоводом. Услышит, бывало, что где-то появился новый сорт хризантемы, — ему и тысячи верст не страшны, тотчас же в путь, только бы достать редкостный цветок. Как-то Мао Цзы-цай отправился за хризантемой в город Наньлин и повстречался в пути с юношей по фамилии Тао, который владел искусством выращивания хризантем. Выброшенные другими, хилые растения быстро расцвели и давали начало новым сортам, как только попадали в волшебные руки Тао. Вскоре Мао Цзы-цай женился на старшей сестре Тао, по имени Хуан-ин, обе семьи породнились. Однажды Тао, выпив лишнего, упал на землю и тотчас превратился в куст хризантем. Лишь на следующий день к нему вернулся его прежний облик. Но вскоре Тао, вновь сильно захмелев, превратился в огромный куст хризантем, и на сей раз человеческий образ к нему уже не вернулся. Хуан-ин была в отчаянии, и горьким слезам ее не было конца. Посадив куст в землю, она стала усердно за ним ухаживать, обильно поливать. И, к ее крайнему изумлению, осенью на нем распустились розовые цветы, испускавшие пьянящий аромат. Так родился новый сорт хризантемы, названный «пьяный Тао». В названии этом двойной смысл: великий китайский поэт Тао Юань-мин (365—427) «любил хризантему» и пил вино с лепестками хризантемы.

Китайские цветоводы, трудясь из поколения в поколение над выведением новых разновидностей хризантем, давали им названия одно поэтичнее другого. Здесь и «летающий золотой мотылек», и «благодатный снег — предвестник урожая», и «к солнцу обращенная заря», и «яшмовая чарка с развевающейся лентой» и т. д. и т. п. Так, совершенный контур, утонченная форма, создаваемая природой при активном содействии человека, соединялись с живым эмоциональным словом, поэтическим образом: на протяжении веков здесь находило свое выражение одно из проявлений идеалов прекрасного, образное раскрытие эстетического начала в жизни народа.

В этой связи интересен диалог героев книги Кавабата Ясунари «Стон горы», в котором раскрываются черты их характеров, вкусов, их видение природы:

«— Что это за цветы? Колокольчики?

— Нет, черные лилии...

— Черные лилии?

— Да, мне их принесла подруга, она обучает чайной церемонии...

— Неужели это и есть черные лилии? — не переставал удивляться

Синго.

— Подруга рассказывает, что, когда в государственном музее... устраивалась недавно чайная церемония, там стояли черные и белые лилии — это было очень красиво. Они стояли в старинной бронзовой вазе с узким горлышком...

Синго смотрел на черные лилии. Их было две, и на каждом стебле по два цветка.

— Этой весной не меньше одиннадцати или даже тринадцати раз шел снег.

— Да, часто шел.

— Ранней весной, когда... еще лежал глубокий снег. И в такую пору черные лилии — просто удивительно. В горах, наверно, нарвали.

— Цветом они немного похожи на черную камелию...

Кикику налила в вазу воды.

— В этом году в годовщину Рикю были выставлены его предсмертные стихи и меч, которым он сделал себе хакакири.

— Что ты говоришь? Твоя подруга преподает чайную церемонию?

— Да. В конце войны у нее погиб муж... Она еще при нем часто устраивала чайные церемонии, и теперь это ей пригодилось.

— Какой же школы она придерживается?

— Школы муся-но кодзи...

Кикику замерла в ожидании, чтобы поставить цветы в вазу, как только Синго выпустит их из рук.

— Они, видимо, так и растут, низко опустив головки, это не оттого, что начали вянуть.

— Да. Я ведь их сразу же поставила в воду.

— У колокольчиков головки, по-моему, низко опущены.

— Что?

— Мне кажется, эти цветы мельче, чем колокольчики, а?

— Пожалуй, мельче.

— Сначала они кажутся совсем черными, но на самом деле они не черные, а темно-фиолетовые с густым бордовым оттенком. Ладно, завтра днем рассмотрю их получше.

— На солнце они кажутся красновато-сиреневыми.

Цветы, хотя и совсем распустились, не достигали и трех сантиметров. У них было по шесть лепестков, пестик трехпалый, тычинок — четыре или пять. Листья, обращенные в четыре стороны, равномерно покрывали весь стебель несколькими ярусами. Они были маленькие, в три, три с половиной сантиметра длиной. Синго понюхал цветок».

Умение видеть природу, понимать ее, умение разговаривать с ее творениями. Но разве мы встречаемся с этим только у японцев, только в книгах Кавабата? Выше речь шла о Китае.

Здесь же уместно вспомнить, что, скажем, в поэзии Дайвьета (средневекового Вьетнама) идея обновления жизни, смены времен часто ассоциировалась с чередованием цветения и увядания различных, строго определенных цветов, составлявшим в целом как бы некий календарь. Обряд любования цветами был составной частью многих традиционных праздников вьетнамцев, а умение составлять букеты и украшать цветами дворы и интерьеры считалось высоким искусством.

Не об этом ли идет речь, скажем, в очерке «Цветы и мороз» В. Бочарникова из деревни Нелидово Костромской области, помещенном в рубрике «С любовью к природе» газеты «Правда» 21 октября 1976 года? Разница здесь, как гласит японская пословица, не толще острия лезвия. Привожу текст:

«Имба остудилась за ночь. Проснулся рано, вышел на крыльцо, а оно белое, хрусткое. И всю траву будто обсахарили за ночь. Глянул с угора на Зайцевское поле, а там вместо теплых желтых ржаных ножен серебряный холодок: постарался мороз.

Поднялось солнце и стало теснить, выживать мороз. Опять зазеленела трава, приветливо осветилось небо. И только там, где была тень — от леса, от скирд соломы, от холма, — мороз студено-цепко держался. И у самой границы тени, рядом с белым жестким инеем, можно было видеть цветущую ромашку и василек, белую кашку и желтые горошины пижмы. Были рядом зима и лето».

Здесь — запечатленное мгновение. Мгновение чуда в природе. И в этом — истинное соучастие человека в бытии окружающего мира, глубокая его приязнь к природе.

А как необыкновенно описание встречи с саранкой в романе В. Астафьева «Царь-рыба»:

«...Я сломил пучку, зубами содрал с нее жесткую кожу и жевал

сочный побег, прыгая с камня на камень, как вдруг при выходе из завала, среди наносного хлама, пробитого там и сям пыреем, мятлицей, трясункой и всякой разной долговязой травкой, увидел лилию — яркую-яркую и в то же время как-то скромно и незаметно цветущую среди кустов и прибрежного разнотравья.

— Саранка! Саранка! — себя не помня, заблажил я и чуть не свалился с камня в ледяной поток.

Саранками в наших местах зовут всякую лилию. Самая среди них распространенная — высокая, с кукушечно-пестрым пером сиреневого или сизого цвета. Лепестками ее, маслянистыми, скатанными в стружку, мы в детстве наедались до тошноты. Есть высокогорные, будто чистой, детской кровью налитые и в то же время ровно бы искусственные саранки, но это то самое искусство, которое редко случается у человека — он непременно переложит красок, полезет со своим потаенным смыслом в природу и нарушит естество своею фальшью.

Я стал на колени, дотронулся рукою до саранки, и она дрогнула под ладонью, поклонилась мне или теплу, исходящему от человеческой руки. Красногубый цветок, в глуби граммофончика притушенный бархатисто-белым донцем, засыпанным пыльюю неожиданно теплой на взгляд изморози, напоминал сказочно цветущий кактус из заморских стран.

— Да как же тебя занесло-то сюда, голубушка ты моя ясная?

И здесь, на первобытно пустынном берегу реки, я смущен был собственной нежностью, хотел перед кем-то оправдаться.

Я бережно отнял лилию от луковки, чтоб на будущий год из земли снова взялся цветок, и она насорила мне на руки белой крупки, один стебелек цветка чуть подвял, смиренно обвалился. Я бережно опустил саранку в пузырящийся поток, неподалеку от того места, где рыбачил, и вынесенная из приурманной темени на свет, тепло, опущенная в живительную, снежную воду, лилия открылась во всю ширь, будто тихая душа, освещенная яркой любовью, и бешеный поток, чудилось мне, заметно поголубел, усмирился, лаская лилию живой водою, трепетно прикасался струями к алому цветку, шевелил бледные тычинки, на которые едва приметными мушками лепилось три коричневых семечка.

Я перелистал потом справочники-травники и всякого рода пособия, но нигде не отыскал подобной саранки. Встретилось в одном атласе под названием «даурская лилия» что-то похожее на нее, и я уж решил, что больше никогда такого цветка не увижу, но однажды на юге в ухоженной курортной клумбе засияла мне приветливо туруханская лилия. «Валлота прекрасная» — было написано на табличке. Бог знает, какими долгими путями добиралась в туруханские дебри южная «Валлота», утрачивая в пути горластую роскошь, назойливую

яркость. Но, может, все наоборот? Может, нежный северный цветок спускался на юг по рекам и морям, подхваченное бурями, летело его семя, обретая в долгом пути имя, накаляясь от жаркого красного солнца? Перекалило цветок напористым солнцем, южная ночь слишком грузно наваливалась на него чернотой, и потому лилия была жесткой на вид, ломка лепестками и напоминала скорее вареного рака, а не цветок. Лишь в середине лилии, в углублении граммофончика затаенно белела первозданная сердцевина, застенчиво освещая донышко цветка. Наружу, без опаски, с вызовом высовывались семена — не два, не три — целый пучок семян, переполненных грузом плоти, изнемогшей в раскаленном нутре, спешащих скорее оплодотвориться и упасть на землю.

Туруханскую лилию не сажали руками, не холили, не поливали из шланга хлорированной водой. Наливалась она студеным соком вечных снегов, не жили ее туманы, бледная ночь и незакатное солнце согревали и стерегли ее уединение. Она никогда не знала темной ночи и закрывалась, храня семя, лишь в мозглою непогоду и в предутренний час, когда катила с белых гор леденящая стынь и близкий угрюмый лес дышал злобными туманами».

Большой любовью пользуются в Японии цветы-деревья. Здесь прежде всего надо назвать знаменитую японскую вишню-сакуру, увековеченную японской поэзией и наиболее широко отображенную в живописи самых различных эпох. Цветы сакуры, появляющиеся на голых изогнутых ветвях вишни весной, встречаются простые и махровые, нескольких цветов и оттенков, в том числе розового, кремового, желтого. В период цветения сакуры каждый японский дом украшается ее прекрасными ветвями, которые ставят обычно в изящные фарфоровые вазы или специальные цветочницы.

«Сакура видна по цветам», и японцы часами любят прелестью весеннего дня, когда на ветвях сакуры раскрываются белые и желто-розовые бутоны. Народный обычай любоваться цветущими вишнями воспет в многочисленных творениях японской поэзии. О захватывающем зрелище цветения сакуры, заставившем, например, остановиться знатного всадника и его блестящую свиту, говорится в чрезвычайно емком, хотя и миниатюрном по размеру стихотворении поэта Исса (1763—1827), в произведениях которого звучит живая, образная речь, задушевная лирика и тонкая ирония:

Как вишни расцвели!
Они с коня согнали
И князя-гордеца.

В другом стихотворении Исса воспевается поэтическая тема душевной дружбы, уз братства, навеянная цветением сакуры:

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

В солнечные дни ранней весны жители японских городов стремятся попасть в парк или сад, и часто можно видеть, как толпы зачарованных людей, стоя, часами любуются белым или розоватым облаком цветущей сакуры. Не случайно это поклонение цветам отозвалось в особом понятии «кансё» (китайское слово, пришедшее в японский язык): оно означает «взирать», «созерцать», «наблюдать», «не сводить глаз». Не сводить глаз и видеть прекрасное! «Слива цветет — запах хорош, вишня цветет — глаз не оторвешь», — гласит японская пословица.

Здесь, как перед живописным полотном, нужно отступить на несколько шагов от предмета любования, чтобы увидеть его пропорции, охватить взглядом живую картину всю целиком. Многих в эти радостные часы влекут уединенные места, горные выси, заповедные уголки девственной природы, где их воображение может быть взволновано внезапно открывающейся взору красотой. Именно таким настроением проникнуто короткое стихотворение в классическом жанре хокку, написанное поэтом Кито:

Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет!

С темой цветения сакуры в японской поэзии органически сплетены мотивы интимных чувств, любовная лирика. Прекрасным образцом такой поэзии является стихотворение поэта японской древности Цураюки:

Как сквозь туман вишневые цветы
На горных склонах раннею весной
Белеют вдалеке, —
Так промелькнула ты,
Но сердце все полно тобою!

С большой силой выразительности передает настроение восторга, охватившего поэта перед волшебством не только цветения, но и увядания цветов сакуры, другое короткое стихотворение Цураюки:

Туман весенний, для чего ты скрыл
Те вишни, что окончили цветенье
На склонах гор?
Не блеск нам только мил —
И увяданья миг достоин восхищенья!

Нигде, вероятно, не существует столь своеобразного и едва ли не всенародного культа, как культ цветов сакуры в Японии. Ветка сакуры, которая символизирует богатство и своеобразие растительного мира страны, пожалуй, полнее всего отображает эстетические вкусы японского народа. Среди разновидностей сакуры особое место занимают цветы горной вишни — ямадзакура. В этом слове японец, воспринимая его как целое, слышит в то же время и составляющие его элементы: яма — гора, сакура (в соединении: «дзакура») — вишня. А горы, вишневые деревья, цветы и есть в глазах японца олицетворение Ямато — Японии. Название Ямато по своему настроению близко к тому, что для русского содержится в имени Русь.

Известный японский ученый и поэт XVIII столетия Мотоори Норинага не без гордости провозгласил в одном из своих стихотворений:

Если люди спросят,
В чем душа Ямато,—
Распростертых в море дальних островов,
Ты им покажи цветенье горных вишен
При восходе солнца, в утренних лучах!

С большим искусством и вкусом украшают японцы свои дома, квартиры, места работы и отдыха. Японский толковый словарь дает следующее объяснение слова «икебана»: «Икебана — искусство ставить цветы и ветки в сосуды для цветов». Особое умение состоит в том, чтобы правильно выбрать место для цветов и декоративных растений, подобрать неповторяющееся сочетание оттенков и очертаний различных цветов, подобрать соответствующую им вазу или цветочницу. Это скорее не ваза и цветочницы, а «сосуды для цветов». Ими могут быть бронзовая чаша на резной орнаментированной фигурной деревянной подставке; медный различной формы кувшин или треножный сосуд; срезанное коленце бамбука, полое, но с перемычкой, что дает возможность наливать в него воду; плетенка, корзиночка — разных форм, из тонких пластинок бамбука, из пропитанных темным (вишневым, коричневым, черным) составом лент из дерева. И реже всего стеклянная ваза... Впрочем, теперь в Японии попадаются и пластмассовые вазы... Как не без горечи замечают японцы, падению вкуса предела нет...

В искусстве декорирования живыми цветами существует ряд

художественных идей и эстетических норм. Оно имеет свои школы и течения, отличающиеся друг от друга и принципами и приемами. Сведущему человеку достаточно взглянуть на то, как поставлены цветы и ветки, и он тотчас определит, к какой школе или направлению относится автор этого украшения. Цветы и растения располагаются в подходящем для них обрамлении и окружении. Чаще всего цветы помещают в вазу по одному или по два, а не в виде больших букетов. Еще реже встречаются букеты цветов на столе или в залах. Японцы считают, что один-два живых цветка со стеблями и листьями в соответствующей обстановке с эстетической точки зрения могут выражать больше, чем несколько цветков или даже целая охапка. Вообще эти композиции из цветов и веток, а нередко из одних веток далеки от наших букетов. И по виду, и по идее, и по функциям в быту, в жизни человека. Каждый цветок или веточка, на взгляд японцев, имеют определенное значение. Здесь заключена целая философия. Часто, например, высокая веточка означает небосвод, средняя — человека, а самая низкая — землю. Такое соединение трех веток или одну ветку с особо расположенными отростками именуют «триадой» — «небо, земля, человек», — глубоко уходящей корнями в духовную жизнь народа, в его философию. Эта знаменитая триада восходит к древнейшей сокровищнице мудрости, канону «Ицзин» — «Книге перемен», самому удивительному трактату китайской древности.

Возникновение первоначального текста «Ицзина», как о том свидетельствуют научные источники, относят к XI—VII векам до н. э. Его основные положения складывались из опыта древних прорицателей. В процессе своего формирования «Книга перемен», отобразившая систему взглядов, мировоззрение своей эпохи, обрастала многочисленными комментариями и толкованиями, приобретала философское значение, а затем превратилась в конфуцианский канон этико-политического характера. Главная мысль, которой проникнута «Книга перемен», утверждает принцип изменчивости всего сущего, всех вещей и явлений, первоисточниками которых выступают земля и небо. При этом сам процесс непрерывно происходящих изменений объясняется как вечная коллизия, столкновение и взаимодействие противоположных сил, космических сил «Ян» — света и «Инь» — тьмы.

«Книга перемен» породила огромную литературу со множеством различных точек зрения на этот памятник, пленяющий своей мудростью и загадочностью. Одним из наиболее интересных трудов, созданных в связи с «Ицзином», является трактат неизвестных авторов под названием «Си цы чжуань», относящийся к X—III векам до н. э. В нем делается серьезная попытка аналитического подхода к содержанию «Книги перемен», философского ее осмысления.

Именно в этом трактате получает свое толкование знаменитая триада: «Небо — вверху, земля — внизу, между ними — человек». Три начала бытия, три его ипостаси, три мира, три сферы жизни — равноценные, равнозначные. Они в вечном единстве, и в то же время каждая из них сама по себе. Они нераздельны и в то же время неслиянны. Вот о чем говорит эта незатейливая ветка, если отростки на ней расположены так, как нужно, осмысленно. Здесь философия и эстетика.

Пусть современный обыватель ничего не знает о «Книге перемен» или трактате «Си цы чжуань», кроме названия; пусть он даже не соотносит эти названия ни с чем, кроме соответствующих иероглифических знаков, которые он видит на вывесках оракулов, все равно смутная идея триады бытия, жизни живет в нем, вложена в его сознание предшествующими веками.

Иногда цветы помещают на изящной подставке на фоне стены определенного цвета. Нередко цветы и декоративные растения комбинируются с предметами старины, произведениями искусства и ремесла, каллиграфическими свитками или художественными панно, расписными экранами. Эти предметы, высоко ценимые в Японии, как правило, бывают небольших размеров и отличаются необычайной тонкостью работы. Любовь к миниатюрности — характерная черта эстетики японцев. Собственно, не столько, быть может, миниатюрность как таковая, а то, что скрывается, содержится в ней: стремление к предельной экономности формы при полноте образа, всех его деталей. Несомненно, что искусство применения живых цветов в декоративных целях, как и каллиграфическая живопись, как образы национального зодчества, оказывает воздействие на духовную жизнь японского народа, обогащая и углубляя его эстетическую восприимчивость, воспитывая в нем любовь к истинно прекрасному, совершенствуя его способность наслаждаться прекрасным в жизни и искусстве, в многообразных формах его проявления.

У японцев сложились самобытные взгляды на вещи, свои эстетические воззрения, свое ощущение прекрасного, свое понимание законов красоты. Скажем, симметрия, предполагающая такое расположение точек или частей предмета в пространстве, при котором одна половина является как бы зеркальным отражением другой, обычно ощущается нами как гармония и соразмерность; с точки зрения японцев, она представляет эстетическую ценность лишь в том случае, если обнаруживается не в простом и привычном, а в необычном, незакономерном, «неправильном» объекте. Такое понимание японцами симметрии наблюдается во многом, можно сказать, во всем: в расстановке и подборе цветов, декоративном оформлении жилища

и других помещений и т. д. Следует напомнить, что эти принципы ощутимы и при постройке японского дома — в архитектурных решениях пространства, расположении плоскостей и контуров. Нам довелось видеть превосходные образцы их осуществления в эстетике японского жилища. Правда, далеко не всем жизнь позволяет им следовать, хотя каждый к этому и стремится.

То же можно сказать и о манере оформления японцами обряда принятия пищи, украшения блюд и сервировки стола. Если у европейцев обеденный или чайный сервиз состоит обычно из однотипных предметов, поскольку единообразию посуды на столе ощущается нами как один из важнейших элементов ее красоты, то на японском столе, напротив, можно заметить обратную картину: блюда и тарелки несходны по расцветке и выработке, неодинаковы по форме и типу. Такое смешение и разнорядность, отсутствие единой нормы не только не претят вкусу японцев, но, наоборот, больше отвечают их эстетическому чувству, как свежее и колоритное проявление гармонии форм и линий, создающих своеобразный художественный порядок, свои особые соразмерности, неожиданные пропорции. Материал, фактура, декор посуды — все должно отвечать не только характеру, но и форме и размещению пищи, которая на этой посуде подается.

Высокое и прямое дерево или иное растение, ветки или листья которого расходятся равномерно во все стороны скудно или пышно, считается обычно стройным и красивым. Однако для цветочного украшения предпочтение отдается не прямому и ровному, а изогнутому и скрюченному растению с одной или двумя оторванными ветками, с частью удаленных листьев, и хотя при этом равновесие его формы как бы нарушено, а очертания могут сначала показаться непривлекательными, это, однако, считается интересным и даже красивым.

В каждом японском доме в одной из комнат, где обычно принимают гостей, устраивается так называемая «токонома» — нечто вроде ниши или алькова. Токонома — самое главное и почетное место в доме. Тем не менее она находится не во фронтальной части помещения, обращенной во двор или сад, а в одном из углов, с тем чтобы две ее колонны или опоры, одна граненая, а другая круглая, были обращены друг к другу.

По мнению некоторых японских авторов, эта приверженность японцев к иррегулярности и асимметрии, к «неправильным» пропорциям или «неправильности» форм порождена их привязанностью к живой природе, их особой близостью к ней. Сторонники этой точки зрения объясняют некоторые особенности эстетических взглядов японцев тем, что они сложились под воздействием своеобразных природных условий страны. Многочисленные и едва ли не повсеме-

стные горы, живописные долины и предгорья, бесконечная береговая линия с ее кружевными изгибами, поворотами, изломами, извивающиеся ленты горных рек — все это создает большое многообразие в мире живой природы, сложную и самобытную флору. В узких долинах или на открытых местах, где у растений нет естественной защиты или где они постоянно подвержены разрушительному воздействию стихий — свирепым морским ветрам, тайфунам, грозовым ливням и т. п., — деревья растут не прямыми и стройными, а низкими, приземистыми, причудливо изогнутыми, со скрюченными, точно запутанная проволока, отростками и ветвями. Очертания и вид японских деревьев и растений непривычному глазу кажутся неприятными, уродливыми, неестественными; но для тех, кто вырос в каждодневном общении с растительным миром родного края, — для самих японцев такая необычность форм, неправильность линий представляются наиболее интересными, подлинно красивыми. И, напротив, нередко случается, что растение правильных форм и линий выгладит в их глазах простой ординарностью и интереса не вызывает. При этом, разумеется, многое связано с субъективными особенностями людей, по-разному относящихся к вещам и явлениям, видящих их по-своему, находящих свежие, необычные черты предмета; определяет здесь индивидуальное видение действительности, собственное восприятие рассматриваемой вещи. Несомненно все же, что особенности художественных вкусов у японцев обусловлены не какими-либо умозрительными соображениями, не порывами фантазии, а своеобразием существующей реальности, многообразием и богатством форм живой природы, самой жизнью.

Было бы, однако, серьезной ошибкой утверждать, будто эстетика японского декоративного искусства принципиально отрицает красоту симметрии, правильных форм, ясных пропорций и признает художественную ценность лишь необычных, причудливых форм. Дело здесь вовсе не сводится к тому, что одно противопоставляется другому или одно исключает другое. Напротив, в действительности наблюдается сосуществование самых разных художественных взглядов, возникновение и формирование которых обуславливается сложностью явлений самой жизни. Японские источники отмечают, что формы правильной симметрии и пропорций играли в японском декоративном искусстве ведущую роль в дни далекого прошлого, приблизительно в период 1400—1600 гг. Что касается современного японского искусства цветочного украшения, то некоторые из многочисленных направлений и школ отдают предпочтение красоте «неправильных» форм, а другие занимают промежуточное положение между искусством правильных и неправильных пропорций.

Во время одной из встреч на большой выставке цветов наши

японские собеседники рассказали нам о наиболее популярных стилях в искусстве икебаны. Одно из направлений — они называли его «корю» — древний стиль. Он характеризуется строгостью вкуса, классической простотой, скромностью. Этот стиль не допускает никаких излишеств, диссонансов, кричащих контрастов. Другой стиль известен под названием «инэнобо» и отличается пышностью, вычурностью, фантазией. Существует также стиль своеобразного экспрессионизма. Вместо цветов приверженцы этого направления выставляют, например, грубое бревно или полено с каким-нибудь торчащим отростком или веткой. Цветов здесь уже нет. Они лишь подразумеваются, присутствуют лишь в воображении зрителя, хотя главной идеей этого искусства являются именно живые цветы, которые самостоятельно или в сочетании с другими предметами образуют художественную композицию...

Итак, токонома — как наиболее почетное место в каждом японском доме — предназначается для того, чтобы именно здесь, а не на стенах комнаты поместить художественную картину или свиток каллиграфической живописи, поставить красивую вазу, расположить предметы старины или антикварные вещи, украшение из живых цветов или растений. Токонома — зрительный фокус комнаты. Сюда должно быть обращено внимание всех — гостей и хозяев. Именно этим объясняется то, что стены японской комнаты в отличие от европейских, как правило, лишены украшений, цвет стен и всей комнаты, которая вообще выглядит весьма просто, не бывает ярким, в комнате нет никакой мебели или предметов, которые могли бы отвлекать внимание людей от главного зрительного центра — токономы, олицетворяющей эстетический вкус хозяина дома, выражающей его художественные взгляды, в известном смысле мир его личных духовных идеалов. В японских источниках отмечается, однако, что первоначально токонома предназначалась не для художественно-эстетических целей, но для отправления религиозного обряда. Это был семейный алтарь, где ранее помещалось изображение Будды с цветами и благоуханными курениями, а еще раньше алтарь синтоистских божеств, табличка с именами предков — «камидана» (в наши дни камидана, если она имеется, чаще отделена от токономы), перед которым каждое утро и вечер вся семья совершала моление. Таким образом, вид и назначение токономы существенно изменились.

Декоративное искусство в Японии, помимо живых цветов, часто использует простые ветви деревьев и сорные травы. Японские искусствоведы, и в частности Иссотэн Нисигава, склонны видеть причину этого в том, что в Японии большее значение придается формам, в которых проявляет себя природа, чем цвету, краскам. При этом

подчеркивается, что уже с давних пор японцы научились видеть больше красоты в очертании или форме цветов, чем в их окраске. Быть может, объясняется это тем, что в Японии все же меньше ярких и сочных цветов, чем, например, в знойных тропических странах. Но даже такие заморские цветы, как розы и лилии, японцы предпочитают видеть в их натуральном обрамлении — с листьями и длинными стеблями, а не коротко обрезанными и с немногими листочками, как обычно делается в европейских странах.

Мне не раз приходилось посещать выставки цветов и состязания цветов. Это целый мир, который живет своими интересами и пристрастиями. Любопытными впечатлениями делится известный вьетнамский писатель Нгуен Туан, описывающий одно из таких состязаний: «Побеждал на них тот, чьи цветы раскрывались ближе к полуночи, отмечая смену времен. С тех пор я отношусь ко времени не как к абстракции, фиксируемой часовым механизмом. Я научился улавливать его в смене светил и созвездий, в чередовании времен года, в обновлении листвы и цветов. Где-то я прочитал, будто одному искусному садовнику удалось подобрать на своей клумбе цветы в такой последовательности, что они раскрывали и закрывали лепестки по мере движения солнца по небосводу, и человек этот мог узнавать время по цветам. Такие часы, по-моему, лучшие в мире, неудобно их только носить с собой...

Николай Трофимович ФЕДОРЕНКО
ТОКИЙСКИЕ ДИАЛОГИ

Редактор Д. К. И в а н о в

Технический редактор О.Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 11.03.86. Подписано к печати 11.05.86. А 00683. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,06. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 1369. Заказ № 2585. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ БЕЗ ТИРАЖЕЙ

Автомобили «Волга», «Жигули», «Запорожец» и денежные суммы до 5 000 рублей разыгрываются в спортивной денежно-вещевой лотерее «Спринт».

Результат игры вы узнаете мгновенно. Размеры денежных и наименования вещевых выигрышей указаны на запечатанных в конверты билетах.

Билеты лотереи «Спринт» выпускаются сериями по два миллиона штук в каждой.

В серии со стоимостью одного билета 50 копеек разыгрываются 400 066 выигрышей. В их числе: 8 вещевых выигрышей — по два автомобиля «Волга ГАЗ-24», «Жигули ВАЗ-2105», «Жигули ВАЗ-21013», «Запорожец 968-М», а также 400 058 денежных выигрышей от 50 копеек до 1000 рублей.

В серии со стоимостью билета один рубль разыгрываются 400 044 выигрыша. В их числе: 16 вещевых выигрышей — по четыре автомобиля «Волга ГАЗ-24», «Жигули ВАЗ-2105», «Жигули ВАЗ-21013», «Запорожец 968-М», а также 400 028 денежных выигрышей от одного до 5000 рублей.

Доходы лотереи «Спринт» направляются на развитие физической культуры и спорта.

Общий выигрыш всех участников лотереи — новые спортивные сооружения, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье.

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР.**